

О соборах Юго-Западной Руси XV—XVII вѣковъ.

„Исторія есть только полезный архивъ, никакъ не сводъ законовъ“.

Проф. В. В. Болотовъ.

Поставленный нами въ заголовкѣ своей статьи эпиграфъ принадлежитъ перу одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ ученыхъ богослововъ—покойному профессору церковной исторіи при Петербургской Академіи В. В. Болотову, глубокому знатоку исторіи древней церкви, незаурядному лингвисту и высококомпетентному специалисту не только въ своей собственной, но и во многихъ соприкосновенныхъ съ нею областяхъ.

Какимъ сильнымъ и живымъ укоромъ звучать эти слова безпристрастного ученаго по адресу тѣхъ, современныхъ намъ присяжныхъ церковныхъ историковъ и богослововъ, которые изъ исторіи древней церкви готовы создать какой-то фетишъ, для неразумнаго поклоненія ему, какъ это обнаружилось, напр. недавно въ рѣчахъ ультра - консервативныхъ членовъ „предсоборнаго присутствія“.

Правда, односторонняя ненаучность и тенденціозная узость взглядовъ *большинства* предсоборной комиссіи на этотъ вопросъ нашли себѣ достойную и вполне заслуженную оцѣнку въ особомъ мнѣніи *меньшинства* той-же комиссіи, гдѣ, между прочимъ, дается такая правдивая характеристика первыхъ: „они ударились въ археологію, но не съ тѣмъ, чтобы путемъ изученія историческихъ формъ розыскать проявлявшіяся въ нихъ вѣчныя начала, а съ тѣмъ чтобы найти въ этихъ формахъ оправданіе своихъ предвзятыхъ тенден-

цій, съ цѣлью во что-бы то ни стало отстоять нѣкоторыя ненормальныя явленія современной дѣйствительности“. Что это, именно такъ, что подобными мнѣніями руководить предвзятая тенденція, а не чистый историческій интересъ, это особенно ясно открывается изъ того, что всѣ подобные исторіофилы любятъ далеко не всякую исторію, а лишь такую, которая отвѣчаетъ ихъ собственнымъ вкусамъ. Историки этой школы питаютъ очень нѣжное чувство къ эпохѣ римско-византійскаго періода, на почвѣ котораго возникъ и развился нашъ церковный клерикализмъ и пресловутый—цезаре-патизмъ. Но тѣ же самые историки обнаруживаютъ большую холодность, чтобы не сказать даже прямо враждебность, къ исторіи предшествующаго трехвѣковаго періода, въ особенности, къ эпохѣ первенствующей церкви, хотя, конечно, съ чисто археологической точки зрѣнія (да и со многихъ другихъ), оба эти періода, какъ древнѣйшіе и изначальные, гораздо интереснѣе и важнѣе послѣдующихъ.

Но и независимо отъ всего этого, постоянное обращеніе къ исторіи и археологіи при разрѣшеніи вопросовъ современности, обращеніе, вызывающее не къ духу ученія древней церкви, а къ ея случайной *внѣшней формѣ*, не выдерживаетъ здоровой критики и противорѣчитъ прошлой исторіи развитія самой церкви и ея каноническаго права. Въ подтвержденіе этого, достаточно сослаться опять на сильное и вѣское слово того же авторитета—проф. В. В. Болотова, который по данному поводу сказалъ слѣдующее: „думаю, что нѣтъ большей несправедливости, какъ реприсинація формъ давнопрошедшаго, при совершенно измѣнившемся бытовомъ строѣ, утратившихъ всякую соль и силу; и та реформа, которая дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ даннаго времени и оправдала себя фактически хорошими результатами, и есть реформа истинно каноническая, не имѣя она за себя даже ни единого прецедента“ ¹⁾.

Такова истинно научная и единственно объективная точка зрѣнія на различныя каноническія ссылки и церковно-историческія справки, при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ вновь наарѣвшихъ и самой жизнью выдвинутыхъ церковно-общественныхъ вопросовъ.

¹⁾ „*Церковныя Вѣдомости*“, издав. при Св. Синодѣ № 3, 1906 г. статья В. Болотова „Епархіи древней церкви“ стр. 100.

При всей очевидности даннаго факта, существуютъ, однако, люди, которые не могутъ, или, правильнѣе, не хотятъ понять этого простаго и яснаго языка подлинной, живой исторіи, а которые рѣшеніе всякаго *дѣла* привыкли основывать на буквальному смыслѣ подлежащей къ нему *справки*. Подобно закоренѣлымъ раскольникамъ, для которыхъ не имѣетъ значенія никакая логическая аргументація, а единственно убѣдительною оказывается лишь буква старопечатныхъ книгъ, и эти слѣпые ревнители церковной старины могутъ убѣждаться лишь доводами отъ церковной археологіи, ея исторіи и каноники. Въ виду этого, съ ними приходится полемизировать только въ этой, искусственно сѣуженной плоскости, чтобы говорить понятнымъ для нихъ языкомъ и имѣть хотя нѣкоторую надежду быть если не услышаннымъ, то, по крайней мѣрѣ, терпѣливо выслушаннымъ.

Мы охотно переходимъ на эту историческую почву. Несмотря на то, что исторія даетъ самое разнообразное и нерѣдко противорѣчивое рѣшеніе однихъ и тѣхъ-же вопросовъ, мы нисколько не колеблемся назвать ее своей лучшей союзницей, тѣмъ драгоценнымъ, капитальнымъ архивомъ, откуда всегда можно извлечь полезную для дѣла справку, если приступить къ этому архиву съ надлежащей критической осторожностью.

Поучителенъ здѣсь, прежде всего, самый фактъ значительнаго разнообразія въ рѣшеніи однихъ и тѣхъ, нерѣдко довольно важныхъ, каноническихъ вопросовъ (напр. вопроса о бракѣ и безбрачій духовенства, о монашествѣ, о митрополичьихъ округахъ, объ отношеніи къ раскольникамъ и еретикамъ и т. п.); поучителенъ онъ потому, что даетъ наглядную картину развитія церковнаго права и его приспособляемости его къ потребностямъ и запросамъ времени; это исключаетъ самую мысль о прямолинейной неподвижности каноническаго права и его якобы вѣчной неизмѣнности, на что такъ любятъ ссылаться наши ревнивые канонисты.

Еще большую важность имѣетъ всестороннее историческое освѣщеніе тѣхъ явленій церковной жизни и канонической практики, которыя являются ненормальными или отжившими. Здѣсь безпристрастная историческая перспектива правдиво разоблачаетъ, подъ какими отрицательными вліяніями слагались эти ненормальности и какими вредными

для церковной жизни послѣдствіями они сопровождались.

Наконецъ, нечего и говорить о значеніи тѣхъ положительныхъ историческихъ справокъ, которыя заключаютъ въ себѣ нѣчто аналогичное нашему современному состоянію церковной жизни и преподаютъ намъ прямые назидательные уроки.

Одну изъ такихъ свѣтлыхъ и поучительныхъ историческихъ страницъ мы и думаемъ вскрыть въ настоящемъ своемъ очеркѣ. Мы хотимъ, именно, провести нѣсколько любопытныхъ историческихъ справокъ изъ жизни многострадавшей Юго-Западной Руси, которыя могли-бы послужить цѣннымъ историческимъ матеріаломъ для болѣе правильнаго рѣшенія спорнаго въ наше время вопроса о составѣ предстоящаго церковнаго собора и роли на немъ епископата клира и православнаго народа.

Русь Червонная и земля Угровская—нынѣшній Юго-Западный край—принадлежали къ составу тѣхъ исконно-славянскихъ областей, откуда, по выраженію лѣтописца, „пошла естъ русская земля“.

Но приблизительно съ половины XII столѣтія центръ Руси постепенно передвигается на Сѣверо-Востокъ, въ область волжскаго бассейна, гдѣ изъ соединенія славянъ съ финскими племенами вырастаетъ новая, великорусская народность, которая и становится главнымъ дѣятелемъ всей послѣдующей исторіи Руси. Малая-же или Червонная Русь постепенно подпадаетъ подъ дѣйствіе различныхъ постороннихъ вліяній и терпитъ сильныя стѣсненія своей православной вѣры и русской народности. Такое бѣдственное положеніе ея продолжалось до тѣхъ поръ, пока Малая Русь снова не воссоединилась съ Великой, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда впервые проведена была рѣзкая историческая граница Россіи на западной ея сторонѣ; при этомъ нѣкоторыя области Червонной Руси окончательно отпали подъ власть Австро-Венгріи и Польши, а большая ея часть стала подъ Московскую державу.

Изъ всего этого, почти четырехвѣковаго вольнаго или невольнаго отчужденія Малой Руси отъ Великой, самымъ тя-

желымъ и бѣдственнымъ для православныхъ сыновъ ея временемъ былъ, безъ сомнѣнія, выше, чѣмъ двухвѣковый періодъ существованія у ней отдѣльной, кievской митрополіи (1459—1687 г.).

Чтобы яснѣе и лучше представить себѣ религіозное и политическое состояніе тогдашней юго-западной Руси, мы должны охарактеризовать реальное взаимоотношеніе тѣхъ религіозно-политическихъ группъ, которыя были главными дѣятелями ея исторіи—т. е. ея правительства, высшаго духовенства и православнаго народа, въ союзѣ съ низшимъ клиромъ.

Въ политическомъ отношеніи юго-западная Русь довольно рано (съ конца XIII в.) подпала подъ власть иноземныхъ и иновѣрныхъ государей — сначала литовскихъ, а потомъ и польскихъ (съ конца XIV в.). Такъ какъ въ интересахъ этихъ правителей была возможно болѣе полная ассимиляція русскаго народа съ ихъ собственными націями, и такъ какъ, съ другой стороны, самымъ главнымъ препятствіемъ къ этой ассимиляціи являлось православіе первыхъ и католичество вторыхъ, то, понятно, что вся политика польско-литовскихъ королей была направлена къ уничтоженію этой вѣроисповѣдной розни и къ религіозному соглашенію, плодомъ чего и была, такъ называемая церковная унія. Въ виду-же того, что короли были католиками, а католичество всегда унію понимало очень своеобразно, нетрудно понять, что такая унія для православнаго населенія, въ сущности, ничѣмъ не разнилась отъ полного обращенія въ католичество, почему она и доставила такъ много страданій и бѣдъ для вѣрныхъ сыновъ православной церкви. Она имѣла для православнаго населенія двоякую опасность: съ одной стороны, она непосредственно и прямо угрожала чистотѣ благочестія и вѣры; съ другой—она косвенно колебала самые устои русской народности и въ будущемъ грозила утратой національной самобытности и сліяніемъ съ польской народностью.

Литовско-польское правительство, хотя рѣдко рѣшалось прибѣгать къ открытому преслѣдованію православнаго населенія, тѣмъ не менѣе постоянно давало ему чувствовать свое нерасположеніе, проявлявшееся въ систематической урѣзкѣ его политическихъ правъ. Такъ, еще со времени Гродельскаго сейма (1413 г.) православное населеніе литов-

скаго княжества устранено было отъ совѣта державной думы и отъ всякихъ общественныхъ достоинствъ и должностей ¹⁾. Съ эпохи же политической Люблинской уніи (1569 г.), отдавшей Литву подъ власть католической Польши, стѣсненіе православія и торжество католицизма пошло впередъ быстрыми шагами. „Ссылаясь на постановленія Гродельскаго сейма, правительство то запрещало православнымъ строить и даже возобновлять свои церкви, то отнимало ихъ и отдавало латинянамъ, то стѣсняло православныхъ въ торжественномъ отправленіи ихъ праздниковъ и священнослуженій, то уничтожало самую вѣру православную, называя ее даже въ официальныхъ бумагахъ „схизмою“, а православные храмы „синагогами“ ²⁾.

Но самымъ сильнымъ орудіемъ польско-католической пропаганды въ рукахъ королевской власти, которымъ она всего больше принесла зла православной церкви, было, такъ называемое право „патронатства“, или подаванья духовныхъ хлѣбовъ, бывшее своеобразнымъ отголоскомъ средневѣковой, феодальной системы и связанной съ нею духовной инвеституры. Исходя изъ своего владѣльческаго права, литовскіе государи считали себя и верховными распорядителями всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ земель, которыя они раздавали по своему усмотрѣнію различнымъ епископамъ, архимандритамъ и настоятелямъ. Отсюда, польско-литовскіе государи въ историческихъ актахъ называются „верховными подателями стѣлицъ (столовъ—кафедръ) духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ“. Примѣру королей слѣдовали и богатые феодалы—помѣщики, присваивая себѣ право духовнаго патроната надъ церквами и монастырями, находящимися въ чертѣ ихъ владѣній.

¹⁾ И. Чистовичъ. „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“. 49 стр. ч. I, СПб. 1882 г.

²⁾ М. Макарій... „Исторія русской церкви“ т. IX, стр 10. СПб. 1879. А новѣйшій спеціальный изслѣдователь этой темной уніатской эпохи—проф. П. Жуковичъ—о роли правительства въ дѣлѣ церковной уніи говорить еще опредѣленнѣе: „западно-русская церковная унія, по самому происхожденію своему, была въ значительной мѣрѣ актомъ внутренней польской политики, давно задуманнымъ или, если угодно, навѣяннымъ историческимъ ходомъ жизни, и только недавнимъ благоприятнаго момента для своего осуществленія“. „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей“. СПб. 1901. XIX стр.

Такая экономическая зависимость тяжело отражалась на положеніи западной іерархіи и сильно вліяла на ея искусственный подборъ, въ духѣ польско-католическихъ тенденцій правительственной власти. Сильнѣе всего, повидимому, сказалось это на высшей іерархіи — епископахъ и митрополитахъ юго-западной Руси.

Въ православно-русскомъ краѣ, гдѣ высшая гражданская власть находилась въ рукахъ иноземнаго и иновѣрнаго правительства естественно было бы ожидать, что народные интересы должна бы была охранять высшая духовная власть — епископы и митрополиты. Къ сожалѣнію, въ юго-западной Руси этого не было, а произошло нѣчто обратное: высшая іерархія тамъ измѣнила своему народу, предалась на сторону правительства и въ союзѣ съ нимъ осуществила церковную унію, едва не погубившую все дѣло православія и русской народности въ юго-западномъ краѣ.

Всѣ историки той эпохи самыми мрачными красками рисуютъ печальное состояніе православной церкви и ея высшей іерархіи. Отдѣлившись въ половинѣ XV-го вѣка отъ Московской митрополіи, іерархи юго-западной Руси остались въ канонической зависимости отъ Константинопольскаго патріарха. Но эта зависимость была чисто номинальною: въ дѣйствительности, Кіевскіе митрополиты распоряжались дѣлами своей митрополіи вполне самостоятельно и безконтрольно. Вѣроятно, въ силу этого, они вскорѣ же по отдѣленіи и поддались соблазну польско-католической пропаганды, усердно поддерживаемой правительствомъ. Южно-русскіе епископы и даже митрополиты, лишенные по своему положенію всякихъ гражданскихъ привиллегій и правъ, завистливымъ окомъ смотрѣли на латинскихъ бискуповъ, засѣдавшихъ въ польской радѣ и пользовавшихся у королей большимъ почетомъ и значеніемъ. На встрѣчу этому шла и коварная политика правительства, которое ограничивало непокорныхъ и всячески поощряло болѣе податливыхъ іерарховъ. Все это деморализовало мѣстную православную іерархію и произвело сильное разстройство церковной жизни. „Главные вожди церкви архипастыри — говоритъ митр. Макарій — потерявшіе почти всякое значеніе въ глазахъ своихъ пасомыхъ, оставались духовными сановниками только по имени и по одеждѣ, а на дѣлѣ это были настоящіе свѣтскіе паны, изъ среды

которыхъ и избирались; жили и дѣйствовали какъ паны, заботились только о собственныхъ имѣніяхъ и интересахъ, изъ-за которыхъ вели постоянную борьбу между собою и съ мірянами, старались пріобрѣтать новые монастыри въ свое управленіе, переходить съ одной катедръ на другую, болѣе богатую и способны были жертвовать всѣмъ, даже самой вѣрой¹⁾. Или, вотъ, напримѣръ, какую безотрадную характеристику всего этого даетъ профессоръ С. Голубевъ, специально изслѣдовавшій данную эпоху. „Самые представители западно-русской церкви (митрополиты и епископы) не стояли на высотѣ своего положенія: занимали катедръ безъ надлежащей подготовки къ прохожденію высокаго іерархическаго служенія, смотрѣли въ большинствѣ случаевъ на свои мѣста съ утилитарной точки зрѣнія, (какъ на доходную статью), и даже нерѣдко поступали на оныя съ нарушеніемъ каноническихъ постановленій. Такъ, нѣкоторые епископы *сожителъствовали съ женами*; въ 80-хъ годахъ XVI-го столѣтія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ первосвятительскую катедру занималъ *двоеженецъ* (Онисифоръ дѣвочка); наставилось епископовъ много, на одну столицу по два“, вслѣдствіе чего происходила между ними соблазнительная, иногда *вооруженная* борьба. Крайне зазорна была и жизнь нѣкоторыхъ епископовъ. Разумѣется, подобные, по выраженію Львовскихъ братчиковъ, „мнящіеся быти святители, сущіи же по истинѣ сквернители“, не могли благотворно воздѣйствовать и на подвѣдомое имъ духовенство. Если епископы „невозбранно жили съ женами“, то и „священники двоеженцы, увидѣвши сіе, дерзостно литургисали“. Тотъ же самый историкъ приводитъ слѣдующій характерный фактъ изъ исторіи Брестскаго собора 1590 г., когда епископъ Ипатій Поцѣй (будущій митрополитъ), по произнесеніи поученія на тему: „Азъ есмь пастырь добрый, душу свою полагаю за овцы“, поинтересовался у своихъ слушателей узнать „добре это имъ было читано, или зле“, то нѣкій Валеріанъ Поліевый въ глаза ему заявилъ: „отче владыко, ты читалъ зле, т. е. *противу себя читалъ*“. Очевидно, заключаетъ цитируемый нами историкъ, авторитетъ высшей западно-русской іерархіи въ указанное время былъ совершенно поколебленъ и мнѣніе о ней въ

¹⁾ М. Макарій. „Исторія русс. церкви“. IX, 479.

православномъ обществѣ было самое незавидное. Это мнѣніе вскорѣ съ полной наглядностью и оправдалось: большинство іерарховъ, влекомое, по выраженію Вишенскаго, — „большею алчбою и жаждою достатковъ, измѣнило православію и перешло въ унію, во главѣ съ митрополитомъ“ ¹⁾. Итакъ, вся высшая іерархія, за самыми незначительными счастливыми исключеніями, предалась тамъ на сторону католическаго правительства и въ союзѣ съ нимъ дѣйствовала во вредъ православно-народнымъ интересамъ.

Третьимъ, и пожалуй, главнымъ дѣятелемъ на исторической аренѣ Юго-западной Руси (XIV—XVIII в.в.) былъ самъ православно-русскій народъ. Поставленный лицомъ къ лицу предъ чуждою ему литовско-польскою властью, не встрѣтившій себѣ естественной бы, казалось, поддержки въ своемъ высшемъ духовенствѣ, народъ издавна привыкъ тамъ надѣяться только на себя и грудью отстаивать свою свободу. Такъ какъ во всей православной Руси той эпохи національный вопросъ объединялся съ религіознымъ и въ сущности покрывался послѣднимъ, то и борьба русскаго народа за свои права выражалась тамъ въ защитѣ православной вѣры отъ посягательствъ католичества и происковъ уніи.

Вполнѣ естественно, поэтому, что борьба народа противъ его угнетателей приняла тамъ, главнымъ образомъ, церковно-религіозную окраску, и заставивши народъ кровно и жизненно интересоваться дѣлами своей вѣры, привела его, къ самому широкому и разнообразному участію въ дѣлахъ своей церкви. Это участіе выражалось тамъ и въ крупныхъ заслугахъ отдѣльныхъ борцовъ за интересы православія, — преимущественно, изъ среды высшей помѣстной аристократіи —

¹⁾ *С. Голубевъ*, „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“ Томъ II, 465—466 стр. Кіевъ. 1898.

Тотъ же Вишенскій даетъ еще болѣе рѣзкую характеристику современнаго ему высшаго духовенства въ одномъ изъ своихъ посланій духовенству и мірянамъ: „да будутъ прокляты владыки, архимандриты и игумены, которые святыя мѣста обратили въ свои помѣстья и скотски проводятъ въ нихъ время съ своими пріятелями, на мѣстахъ святыхъ лежачи и гроши забираючи, наряжаютъ дѣвокъ на доходы съ богомольцевъ, слуги умножаютъ, пріятелей обогащаютъ, роскошь свою поганскую исполняютъ“.

и въ организованной, коллективной дѣятельности православныхъ, западно-русскихъ братствъ ¹⁾.

Что касается заслугъ отдѣльныхъ выдающихся дѣятелей православной церкви, то исторія Юго-Западной митрополіи съ благодарностью отмѣчаетъ здѣсь, прежде всего, покровительство и поддержку со стороны православныхъ князей—потомковъ Гедимина и Ольгерда. Таковы были, напр. Иванъ Юрьевичъ Мстиславскій и его супруга Юліанія (половины XV в.),—Михайлъ Александровичъ Слуцкій (XV в.) и Гедиминовичи—Иванъ Семеновичъ и Юрій Семеновичъ Гольшанскіе (XV в.). Всѣ они широко благодетельствовали церквамъ и монастырямъ, пользуясь своимъ правомъ владѣтельнаго патроната. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ эпоху торжества уніи, мужественной борьбой съ ней за интересы православія приобрѣли извѣстность князья Острожскіе, Князь Курбскій, графъ Ходкевичъ, князья Масальскіе, Мстиславскіе, Соколинскіе, Четвертинскіе и пр. Такъ что по отзыву м. Макарія, если православіе сильно страдало въ Юго-Западной Руси отъ королей и митрополитовъ, то оно всегда могло „находить для себя опору, огражденіе и утѣшеніе въ своихъ помѣстныхъ православныхъ князьяхъ“ ²⁾.

Но какъ ни важно и ни дорого для интересовъ православія было это энергичное заступничество отдѣльныхъ сильныхъ покровителей, все же оно, какъ всякое единоличное представительство, заключало въ себѣ и опасность произвола и возможность даже прямой измѣны, когда сегодняшний „столпъ“ и „пособникъ церкви“ на завтра попадалъ въ сѣти іезуитовъ и становился ренегатомъ и заклятымъ врагомъ православія (Скуминъ-Тышкевичъ) ³⁾.

¹⁾ Мы не говоримъ здѣсь о грозной силѣ вольнаго степного казачества, поднявшейся съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своей вѣры и сослужившей несомнѣнно, весьма видную службу въ борьбѣ съ уніей. Не говоримъ мы о ней потому, что эта была, такъ сказать, вѣшняя и посторонняя для православной церкви сила, которая уже по одному этому не можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія внутреннихъ, церковно-религіозныхъ интересовъ.

²⁾ Макарій. IX, 29. Немало новыхъ, интересныхъ данныхъ объ участіи какъ отдѣльныхъ дворянъ, такъ и цѣлыхъ сеймовъ въ церковныхъ дѣлахъ литовско-польской Руси содержится въ капитальномъ трудѣ проф. П. Н. Жуковича „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.)“. СПб. 1901. См. I отд. 1—3 гг.

³⁾ С. Голубевъ. „Петръ Могила“. II, 467.

Поэтому гораздо безопаснѣе, сильнѣе и дѣйствительнѣе была помощь коллективнаго, организованнаго церковно-народнаго представительства, въ формѣ такъ называемыхъ братствъ. Вопросъ о происхожденіи, устройствѣ, кругѣ дѣлъ и интересахъ западно-русскихъ братствъ освѣщенъ съ достаточной степенью полноты въ специальной литературѣ, къ которой мы и отсылаемъ желающихъ, поближе познакомиться съ этимъ въ высокой степени важнымъ историческимъ институтомъ, заслуживающимъ особаго вниманія въ наши дни, когда снова поднять вопросъ о возрожденіи прихода и объ организованномъ участіи мірянъ въ церковно-религіозной жизни ¹⁾).

Для нашей цѣли особенную важность имѣетъ одна сторона въ дѣятельности этихъ братствъ—именно ихъ широкое, активное участіе въ дѣлахъ мѣстной церковной общины, проявлявшееся въ выборѣ себѣ духовенства, въ наблюденіи и контролѣ надъ нимъ, а также и въ совмѣстномъ съ іерархіей рѣшеніи своихъ церковныхъ дѣлъ.

Право на такое широкое участіе въ церковныхъ дѣлахъ повидимому, заложено въ самой идеѣ этихъ братствъ. Изъ всѣхъ объясненій происхожденія западно-русскихъ братствъ наиболѣе правдоподобнымъ является то, которое зарожденіе ихъ объясняетъ на общей почвѣ древне-русскаго прихода, проявлявшаго свою жизненность раньше и въ Сѣверной Руси. Если же къ XV в. тамъ онъ, повидимому, сталъ за-

¹⁾ Много цѣннаго матеріала о западно-русскихъ братствахъ заключается въ капитальныхъ общихъ курсахъ отечественной и русской церковной исторіи—С. М. Соловьева (VII) и митроп. Макарія (IX—X т.т.). А также у историковъ уніи и различныхъ дѣятелей той эпохи: Кояловича „Литовская церковная унія“, 1859 г. СПб. Чистовича „Исторія Западно-Русской церкви“ I—II ч. СПб. 1882 г. Малышевскаго: „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“. СПб. 1897 г. С. Голубева: „Исторія Кіевской духов. Академіи“ 1886 г. Его-же—митр. Петръ Могила“ I—II. Кіевъ 1896 г.—8. П. Жуковича: „Семейная борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.)“. СПб. 1901. Проф. М. Грушевскій „Исторія Украины—Руси“. V, 2. 1906 г. Болѣе специальная литература: Флерова: „О православныхъ церковныхъ братствахъ“ 1857 г. А. А. Панкова: „Очерки исторіи западно русск. братствъ“. 1900 г. С. Кідрова „Древне-русскія братства“ Русс. Арх. 1901 г. въ послѣдней статьѣ указаны и болѣе мелкая журнальная литература о нѣкоторыхъ частныхъ братствахъ—Львовскомъ, Могилевскомъ и пр. Харламповича: „Южно русскія братства“. Казань. 1898.

мирать, а здѣсь осязательно развѣтвѣть, то объясненіе этому надо искать въ различныхъ религіозно-политическихъ условіяхъ этихъ территорій; въ Сѣверо-Восточной, Московской Руси въ это время крѣпло православіе и самодержавіе, т. е. шла усиленная централизація гражданской и церковной власти, парализовавшая развитіе общинной, а, слѣдовательно, и приходской жизни. Наоборотъ, въ Юго-Западной Руси въ лицѣ свѣтской власти и высшаго духовенства предъ народомъ встала сильная угроза какъ православію, такъ и самой національности, заставившая всякую мѣстную православную общину сплотиться и дать дружный отпоръ наступающему врагу. Слѣдовательно, поскольку на Сѣверѣ казенная опека православія, такъ сказать, парализовывала приходскую общину, постольку, наоборотъ, на Западѣ правительственное преслѣдованіе народности и вѣры, сильнѣе сплотило мѣстную общину и вызвало ее къ болѣе активной роли.

Нѣкоторыя изъ этихъ, первоначально, лишь приходскихъ общинъ, разрослись до степени обширныхъ коллективныхъ союзовъ, съ многочисленными развѣтвленіями и сложной организаціей. Таковыми были, такъ называемыя, „ставропигіальныя братства“, (т. е. независимыя отъ мѣстнаго епископа, а непосредственно подчиненныя Константинопольскому патріарху и Кіевскому митрополиту, какъ его екзарху), основанныя преимущественно, въ крупныхъ и вліятельныхъ центрахъ Юго-Западной Руси—Вильнѣ, Львовѣ, Могилевѣ и др.

Хотя церковныя братства были учрежденіями всесловными и въ составъ ихъ одинаково входили какъ митрополиты, епископы, архимандриты, игумены и протопопы, такъ и мірскіе люди: князья, паны, казаки, мѣщане и даже женщины; но какъ-то само собою сложилось, что главную роль въ этихъ братствахъ стали играть міряне, какъ болѣе чистые и безкорыстные защитники православныхъ интересовъ. Это очень не нравилось высшей іерархіи, которая почти постоянно интриговала противъ братствъ и всѣми мѣрами пытались ограничить или скомпрометтировать ихъ свѣтлую идейную работу. Въ этомъ отношеніи особенно характерна довольно продолжительная и упорная борьба Львовскаго братства съ своимъ епископомъ Гедеономъ Болобаномъ, который первоначально склонялся къ уніи, но потомъ былъ однимъ изъ немногихъ, оставшихся вѣрными православію,

епископовъ. Но онъ все же, въ концѣ концовъ, примирился съ своимъ братствомъ и призналъ его заслуги ¹⁾.

Такое явное несочувствіе епископовъ къ братствамъ объясняется, конечно, только тѣмъ, что братства широко и могуче воздѣйствовали на церковно-общественную жизнь, что они, въ извѣстной степени, какъ бы затѣняли собою фигуру мѣстнаго епископа, а нерѣдко и обличали его дѣятельность, если видѣли въ ней или уклоненіе отъ правильной церковной дисциплины или даже измѣну православію. Формальнымъ указомъ короля за Львовскимъ братствомъ было утверждено право разслѣдовать и провѣрять на мѣстѣ всѣ „кривды, шкоды и тяжкости“ полоцкаго владыки ²⁾. Вотъ, напр., какое внушительное предостереженіе дѣлають подольско-галицкіе дворяне митрополиту Онисифору (1579—1588) по поводу разныхъ церковныхъ безпорядковъ: „мы, по своему долгу, предостерегаемъ вашу милость, и молимъ и просимъ: Бога ради осмотришь, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кievскихъ и возревнуй ихъ благочестію. Не прогнѣвайся на насъ: намъ жаль души твоей. Ты за все долженъ дать отвѣтъ Господу Богу“ ³⁾.

Религіозно-патріотическая дѣятельность братствъ стояла въ прямой зависимости отъ энергіи польско-католической пропаганды: чѣмъ замѣтнѣе и неразборчивѣе въ средствахъ становилась политика уніатовъ и католиковъ, тѣмъ энергичнѣе и сильнѣе развивалась и противодѣйствующая ей работа православныхъ братствъ. Вотъ почему самый блестящій періодъ разцвѣта братствъ падаетъ на темную эпоху Брестской уніи и послѣдовавшихъ за нею насилій надъ православіемъ со стороны уніатовъ-митрополитовъ и католиковъ-королей.

Въ особенности оживилъ и поднялъ духъ старинныхъ братствъ пріѣздъ двухъ восточныхъ патріарховъ—Антіохійскаго Іоакима (1586 г.) и Іерусалимскаго—Іереміи II-го

¹⁾ Интересно подчеркнуть, что Гедеонъ Болобанъ до тѣхъ поръ враждовалъ съ литовскимъ братствомъ, пока симпатизировалъ уніи; но какъ только онъ искусно въ этомъ раскаялся, то тотчасъ же помирился и съ своимъ братствомъ.

²⁾ М. Макарій, IX, 266 стр.

³⁾ Малышевскій: „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“, 75 стр. СПб. 1879.

(1589 г.). Первый изъ нихъ облекъ самыми широкими полномочіями древнѣйшее Львовское братство, предоставивъ ему право обличать всѣхъ, противныхъ закону Христову, не исключая и самыхъ епископовъ и даже, въ случаѣ упорства, отлучать ихъ отъ церкви. Патріархъ же Іеремія не только подтвердилъ всѣ эти права, но и распространилъ ихъ еще на два подобныхъ братства—на Виленское и на Могилевское. „Ободренные представителями высшей церковной власти, получивъ обширныя права и полномочія, братства являлись теперь главнѣйшими церковно-общественными учрежденіями западной Россіи. Они сосредоточили въ своихъ рукахъ дѣятельность религіозную, просвѣтительную, благотворительную и миссіонерскую. Крупнѣйшія изъ нихъ получили въ дѣлахъ церкви автономію: патріаршій ставропигіонъ предоставилъ имъ право суда и контроля надъ всей православною церковью Юго-Западной Россіи и сдѣлалъ ихъ грозными для самой іерархіи“ ¹⁾.

И православныя братства, дѣйствительно, вполне оправдали оказанное имъ высокое довѣріе и явились тамъ истинными спасителями національности и вѣры. „Не подлежитъ сомнѣнію—говоритъ напр. историкъ не склонный вообще, преувеличивать исторической роли братствъ,—что западно-русскія братства въ указанное время принесли громадныя услуги православной церкви. Около нихъ группировались лучшія силы тогдашняго православнаго общества; здѣсь предпринимались всевозможныя мѣры, чтобы отстоять православную вѣру и русскую народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной (преимущественно, латино-польской) пропаганды. Значеніе и сила братствъ въ разсматриваемое время заключалась въ ихъ коллективности“ ²⁾. Особенно геройской защитой выдѣлилось Виленское братство, находившееся въ самомъ центрѣ враждебнаго лагеря. „Оно разсылало по всей Литвѣ посланія къ различнымъ братствамъ и прочимъ ревнителямъ православія и въ этихъ посланіяхъ просило помощи и содѣйствія, завязывало сношенія съ казаками, созывало въ

1) С. Кедровъ, „Древне-русскія братства“. Русск. Архивъ. 1901 г. 322 стр.

2) С. Голубевъ. „Петръ Могила“, II, 467 стр.

Вильнѣ съѣзды православныхъ, заставляло братскихъ проповѣдниковъ публично защищать правоту своего дѣла, добилось возстановленія высшей іерархіи для западнаго края, издавало сочиненія въ защиту своихъ правъ—однимъ словомъ, явилось главной опорой для западнаго православія и могущественнымъ двигателемъ исторической западно-русской жизни. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали братства: Могилевское, Минское, Пинское, Луцкое, Кіевское и другія“¹⁾.

Если прежняя (до-уніатскаго періода) дѣятельность братствъ возбуждала сильное неудовольствіе высшей іерархіи, для которой она стояла, такъ сказать, поперекъ дороги, то новая, значительно расширенная компетенція братствъ, вызывала еще большія нареканія со стороны высшихъ іерарховъ, уніатовъ и іезуитовъ. Изъ права ставропигіальныхъ братствъ выбирать себѣ духовенство, судить его, а въ крайнемъ случаѣ и низлагать, безъ сношенія съ мѣстнымъ епископомъ, враги братствъ выводили, что будто бы братчики вовсе не признаютъ іерархическаго авторитета, что у нихъ non *clerus populum, sed populus clerum dirigit* (Саковичъ). Но это—явное преувеличеніе: братства отнюдь не отвергали необходимости и значенія іерархіи въ принципѣ; они заботились только о томъ, чтобы сама іерархія стояла на должной высотѣ и отказывали въ повиновеніи такой, которая роняла свое достоинство; да и то дѣлали это не произвольно, а послѣ братскаго суда и въ силу полномочій, данныхъ имъ отъ высшей іерархической инстанціи—самого Константинопольскаго патріарха.

Въ силу этого не имѣли успѣха и попытки новой, возстановленной патріархомъ Теофаномъ православной іерархіи, ограничить автономію братствъ. „И первосвятитель русской церкви—сѣтуетъ уже извѣстный намъ историкъ—опасаясь народнаго волненія, вынужденъ былъ своей митрополитанской властью скрѣплять тѣ порядки, которые считалъ крайне нежелательными“²⁾. Впрочемъ и самъ историкъ склоненъ считать опасенія іерарховъ, неимѣющими достаточнаго основанія, когда говорить: „ставропигіальныя братства и монастыри проникнутые въ данное время стремленіемъ къ увра-

¹⁾ А. Панковъ. „Церковныя братства“, 7 стр. СПб. 1893 г.

²⁾ С. Голубевъ. „Петръ Могила, II, 468 стр. срав. I. 126—136.

чеванію больныхъ мѣсть въ церковно-исторической жизни, не могли злоупотреблять своей автономіей въ ущербъ насущныхъ потребностей церкви; напротивъ, они заботились о привлеченіи въ свою среду духовныхъ лицъ, наиболѣе извѣстныхъ по своимъ достоинствамъ: ученыхъ, хорошихъ проповѣдниковъ и т. д.“¹⁾ Таково было реальное соотношеніе тѣхъ историческихъ силъ, которыя выступали главными дѣятелями въ исторіи многострадальной Юго-Западной Руси. Въ сущности, тутъ были только двѣ враждебныхъ группы: одну изъ нихъ представляло чуждое народной массѣ, по происхожденію и вѣрѣ, правительство, въ союзѣ съ предавшимся на его сторону высшимъ духовенствомъ,—другую—вся масса православнаго населенія, во главѣ съ лучшей помѣстной аристократіей и въ союзѣ съ низшимъ клиромъ.

Изъ этой общей исторической характеристики самъ собою вытекаетъ поучительный выводъ о томъ, насколько опасна, и прямо даже гибельна для интересовъ вѣры и церкви, можетъ быть монополія въ церковномъ управленіи одной высшей іерархіи—ея епископовъ и митрополитовъ; и насколько, наоборотъ, необходимо и спасительно для цѣлости и чистоты церкви широкое участіе въ ея управленіи и жизни представителей отъ низшаго клира и вѣрующихъ мірянъ.

II.

Переходя теперь къ главному предмету своей рѣчи, къ самой исторіи и характеристикѣ соборовъ Юго-Западной Руси, мы утверждаемъ тотъ тезисъ, что на этихъ соборахъ присутствовали не одни епископы, но также и представители отъ чернаго и бѣлаго духовенства и отъ всего православнаго народа. И что особенно важно, такъ было не только на православныхъ соборахъ, гдѣ такое положеніе вещей можно было бы объяснять вынужденной необходимостью; но въ извѣстной степени и на уніатствующихъ соборахъ, гдѣ подобное представительство въ глазахъ епископовъ было, скорѣе зломъ, однако все же терпимымъ, очевидно, въ силу его неизбежности.

Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ соборовъ Юго-Западной Руси, происходилъ при Витовтѣ, 15-го ноября 1415 (по

1) С. Голубевъ. „Петръ Могила“, II, 469.

Голубинскому, а по м. Макарію 1416) въ Новгрудкѣ Литовскомъ, по дѣлу объ отдѣленіи литовской митрополіи отъ московской и о поставленіи особаго кіевскаго митрополита, въ лицѣ Григорія Цамблака. Въ окружной грамотѣ, изданной отъ имени собора присутствовавшими на немъ епископами, ясно говорится, что Витовтъ собралъ на этотъ важный соборъ не только епископовъ, но и архимандритовъ, игуменовъ, благоговѣйныхъ иноковъ и священниковъ, а равно князей литовскихъ, вельможъ и бояръ, и соборъ постановилъ свое рѣшеніе „по совѣту всѣхъ этихъ лицъ“ ¹⁾. Если же московскій митрополитъ Фотій, противъ котораго было направлено это посланіе, да и самое избраніе Григорія, называетъ послѣдняго „мятежникомъ, поставленнымъ отъ несправедливаго сѣборища самозаконно и съ насиліемъ мірской власти“, то ясно, что здѣсь главными виновниками допущенной незаконности, Фотій считаетъ короля и епископовъ; но всего менѣе, представителей отъ клира и народа по адресу которыхъ огорченный митрополитъ ничего не возражаетъ и даже рекомендуетъ своимъ епископамъ охотно принимать ихъ, если они убѣгутъ къ нимъ на жительство отъ церковнаго мятежа ²⁾.

Слѣдующимъ по времени соборомъ Юго-Западной Руси, отдѣленнымъ отъ этого почти столѣтнимъ промежуткомъ, былъ знаменитый Виленскій соборъ, созванный митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ 25-го Декабря 1509-го года „о церковныхъ вещахъ и объ исправленіи дѣлъ духовныхъ“ Соборъ широко коснулся различныхъ тогдашнихъ нестроеній и недостатковъ церковной жизни, главную причину которыхъ онъ справедливо указалъ въ злоупотребленіи мірскихъ властей правомъ церковнаго патроната, съ одной стороны, и въ „непослушанствѣ“ епископовъ, съ другой. Подъ послѣднимъ зломъ, какъ это видно изъ 15-го правила соборнаго дѣянія, разумѣлось нежеланіе нѣкоторыхъ епископовъ повиноваться „великой церкви“ (т. е. митрополичьей) и имѣть къ ней послушаніе. Для исправленія подобныхъ епископовъ и вообще для неослабнаго надзора за церковнымъ богослуженіемъ, соборъ узаконилъ необходимость подобныхъ же

¹⁾ М. Макарій. „Исторія русской церкви“. IV, 91 стр. СПб. 1866 г.

²⁾ Тамъ же 97—98 стр.

періодическихъ соборовъ, на которые должны были собираться „всѣ епископы, безъ всякаго прекословія“ и весь „освященный соборъ“, подъ которымъ, очевидно, разумѣлось представительство отъ клира и мірянъ.

За вѣрность такой догадки ручается составъ самого Виленскаго собора, который изъ дѣяній этого собора извѣстенъ поименно ¹⁾. Сохранилось, даже глухое указаніе на присутствіе въ соборныхъ засѣданіяхъ какихъ то „инѣхъ ту будущихъ честныхъ священниковъ“, подъ которыми естественно всего разумѣть представительство отъ низшихъ клириковъ, кандидатовъ будущаго священства ²⁾.

Но если даже и принять, что здѣсь нѣтъ ясныхъ и безспорныхъ указаній на представительство отъ мірянъ, то это и не важно: участіе мірянъ, повидимому, здѣсь не требовалось потому, что соборъ имѣлъ спеціальныя, пастырско-каноническія задачи. Клеръ же и, въ особенности, монашество были представлены на немъ, какъ видимъ, довольно полно и разнообразно ³⁾.

1) Онъ былъ образованъ изъ слѣдующихъ лицъ: митрополита Іосифа Салтана, семи епископовъ: Владимірскаго и Берестенскаго — Вассіана, Смоленскаго — Варсонофія, Луцкаго и Островскаго — Кирилла, Полоцкаго и Витебскаго — Евимія, Туровскаго и Пинскаго — Арсеія, Перемышльскаго — Антоія и Холмскаго — Филарета. Архимандритовъ присутствовало семеро: Кіево-печерской великой лавры — Іона, Благовѣщенской патріаршей обители (супрасльскій монастырь) — Пафутій, Троицкій, Виленскій — Иакошма, Лавришевскій — Арсеій, Троицкій, Слуцкій — Іосифъ, Вознесенскій, Минскій — Сергій, Михайловскій, Городецкій изъ Полоцка — Антоній. Игуменовъ на соборѣ было шесть: Троицкій — Симонъ, Святодуховскій изъ Смоленска — Аванасій, Іоанновскій, Островскій изъ Полоцка — Евимій, Петровскій изъ Полоцка — Алексій, Николаевскій изъ Ольшанъ — Іона и Никольскій изъ Лоска — Геронтій. Протопоповъ было семь человекъ: Виленскій — Матвей, Новгородскій — Іаковъ, Городецскій — Антипа, Слуцкій — Федоръ, Марковскій — Лукіанъ, Слонимскій — Козьма и Волковыйскій — Бедоръ.

²⁾ Дѣянія Виленскаго собора полностью помѣщены въ „Русской исторической бібліотекѣ, издаваемой археографической комиссіей“. IV т. 6—18 стр. СПб. 1878 г. Подробное изложеніе ихъ дано у м. Макарія „Исторія русской церкви“. IX. 166—174. СПб. 1879 г.

³⁾ Но поводу представительства отъ монастырей, постоянно занимающаго такое видное мѣсто въ исторіи западно-русскихъ соборовъ, необходимо сдѣлать маленькую оговорку о значеніи и роли тогдашнихъ монастырей. Монастыри Юго-Западной Руси не были своеобразными, отрѣшенными отъ міра аскетическими оазисами, а являлись живой рели-

Въ управленіе церковью того же самого митрополита—Іосифа Солтана, происходилъ и еще одинъ соборъ, въ 1514-мъ году, по поводу прославленія памяти преп. Елисея Лавришевскаго. Никакихъ подробностей объ этомъ соборѣ, правда, не сохранилось; но изъ одного авторитетнаго историческаго документа извѣстно, что онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ *архимандритовъ и прочаго духовенства* ¹⁾.

Недостатокъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ при этомъ митрополитѣ прекрасно восполняетъ грамота, данная м. Іосифомъ православнымъ гражданамъ Вильны (въ Декабрѣ 1511 г.), опредѣляющая степень ихъ участія въ дѣлахъ своихъ приходскихъ церквей. „Поразсудивъ со всѣмъ крылосомъ соборныя церкви“ митрополитъ согласился на просьбу Виленскихъ гражданъ выбирать себѣ кандидатовъ въ священники и присылать выборныхъ депутатовъ при провѣркѣ церковнаго имущества на мѣстникомъ митрополита ²⁾.

Приблизительно отъ этого же времени сохранилось нѣсколько любопытныхъ данныхъ объ одномъ провинціальномъ соборѣ—бывшемъ въ городѣ Львовѣ въ 1522 году, при приѣздѣ въ него новоставленнаго епископа—Макарія. Этотъ „соборикъ“ состоялъ изъ мѣстныхъ священниковъ, собравшихся подъ предсѣдательствомъ ихъ епископа Макарія. Интересъ даннаго собора состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ собою какъ бы своего рода договоръ между епископомъ и его духовенствомъ, опредѣлявшій права и обязанности каждой изъ двухъ договаривающихся сторонъ. Въ частности, епископу было предъявлено условіе, чтобы онъ возстановилъ „*крылосъ и духовную справу*“, т. е. устроилъ бы при своей кафедрѣ нѣчто вродѣ постоянного пресвитерскаго собора, для коллегіальнаго рѣшенія всѣхъ церковно-судебныхъ дѣлъ. Характерно, что эта грамота „о правахъ клирошанъ“ утвер-

гіозно-просвѣтительной силой, могущественно воздѣйствовавшей на общественную жизнь. Они служили надежнымъ оплотомъ православія и лучшей оградой, сдерживавшей напоры польско-католической пропаганды. Вотъ почему они обыкновенно и являлись центрами наиболѣе вліятельныхъ братствъ (Святодуховскій монастырь—Виленское братство).

¹⁾ Изъ грамоты м. Іосифа въ Супрасльскій монастырь отъ 2 Февр. 1514 г. См. у м. Макарія, IX, 176 стр.

²⁾ М. Макарій, IX, 180—181 стр.

ждена была въ послѣдствіи самимъ митрополитомъ и предлагалась, какъ нѣчто обязательное, для руководства и всѣмъ послѣдующимъ львовскимъ архіереямъ.

Отъ середины XVI вѣка сохранилось два, хотя довольно неопредѣленныхъ, однако не лишенныхъ интереса, указанія на происходившіе тогда соборы. Такъ, въ грамотѣ короля Сигизмунда I-го (13-го февр. 1546 г.) говорится о томъ, какъ король, „услышавши отъ многихъ князей и пановъ о нерядности и несправѣ межи духовенства греческаго закона, такожь межи князей и пановъ и простыхъ людей, и что епископы поступаютъ не по правиламъ свв. отецъ“, предложилъ митрополиту созвать соборъ, на который и позвать, „кого-бы вѣдали не въ законѣ мѣшкающихъ“ ¹⁾.

Другое подобное же указаніе дается о Виленскомъ соборѣ 1558 г., созванномъ по инициативѣ митрополита Сильвестра Белькевича для разсужденій „къ постановленію вѣры и закона христіанскаго“. Приступая къ устройству этого собора, митрополитъ испрашиваетъ у короля указа съ повелѣніемъ „всѣмъ епископамъ, архимандритамъ, предложеннымъ духовнаго стану закона греческаго, съѣхаться на соборъ“... А когда одинъ изъ архимандритовъ, позванныхъ на этотъ соборъ, не могъ на него явиться „про великую старость и зомлость вѣку его“, то онъ обѣщалъ прислать за себя „духовнаго научнаго, прикладнаго и богобойнаго, давши и поручивши ему аданье свое“ ²⁾.

Сравнительно болѣе опредѣленное извѣстіе сохранилось о соборѣ, состоявшемся въ Новгородѣ Литовскомъ 22-го февраля 1540 г. Кромѣ самого митрополита (Макарія II) и шести епископовъ (Симеонъ—полоц., витеб., Геннадій—брестскій, Арсеній—луцкій и острожскій, Вассіанъ—туровскій и пинскій, Арсеній—перемышльскій и Іона—холмскій и бѣльскій), въ немъ присутствовало и четверо знатнѣйшихъ свѣтскихъ особъ ³⁾.

Состоялся, далѣе, импровизированный соборъ въ Вильнѣ, въ Августѣ 1589 года, по случаю прибытія сюда Константинопольскаго патріарха Іереміи, возвращавшагося изъ Москвы,

¹⁾ Чистовичъ.—207 стр. I ч.

²⁾ Тамъ же.—208 стр.

³⁾ М. Макарій, IX, 247—8.

послѣ учрежденія въ ней патріаршества. Въ одной изъ грамотъ этого патріарха дано ясное указаніе на то, что ко времени его пріѣзда въ Вильну для низложенія стараго (Онисифора Дѣвочки) и избранія новаго митрополита (Михаила Рогозы), тамъ находились: митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены, протоіереи и священники, т. е. цѣлый соборъ, какъ справедливо заключаетъ м. Макарій ¹⁾.

Подобный же случайный соборъ состоялся еще разъ въ концѣ этого года (13 Ноября 1589 г.), при проходахъ патріарха Іереміи въ городѣ Тарнополь, куда съѣхалось къ этому времени не меньше пяти епископовъ. Главнымъ предметомъ соборнаго разсужденія служили пререканія, возникшія между львовскимъ епископомъ—Гедеономъ Болобаномъ и львовскимъ братствомъ, причемъ рѣшеніе состоялось въ пользу послѣдняго.

Толчекъ къ реформамъ, данный пріѣздомъ двухъ восточныхъ патріарховъ (Іоакима и въ особенности—Іереміи), не могъ пройти безслѣдно для западно-русской церкви: онъ возродилъ дѣятельность братствъ и тѣмъ самымъ привлекъ мірянъ къ активному и широкому участию въ церковныхъ дѣлахъ. „Міряне давно уже принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Западно-русской церкви. Но во время пребыванія патріарха въ Литвѣ, участіе мірянъ обнаружилось въ полной силѣ и какъ бы узаконено было, съ утвержденіемъ братствъ. Понимали ли эти міряне необходимость собора и знали ли, что и патріархъ требуетъ его,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Необходимо даже думать, что они прямо высказали митрополиту это требованіе и вмѣстѣ съ нимъ рѣшили,—гдѣ и какъ быть собору“ ²⁾.

Совсѣмъ иными глазами смотрѣли на это дѣло епископы, для которыхъ участіе мірянъ на соборѣ было крайне нежелательнымъ, такъ какъ они справедливо ожидали, что міряне сильно ограничатъ ихъ безотвѣтственный и безнаказанный произволъ въ церковныхъ дѣлахъ. Въ этихъ видахъ епископы, сговорившись между собою, рѣшили воздѣйствовать на вновь избраннаго безхарактернаго митрополита въ томъ смыслѣ, чтобы онъ созвалъ соборъ безъ

¹⁾ М. Макарій, IX, 461 стр.

²⁾ Кояловичъ „Литовская церковная унія“ I. 82—83.

всякаго участія мірянъ, изъ однихъ только епископовъ. Митрополитъ сначала, повидимому, уступилъ и согласился устроить подобный епископскій съѣздъ въ г. Бельзѣ (Холмской епархіи). Но затѣмъ онъ одумался, измѣнилъ прежнее рѣшеніе и вмѣсто Бельзы назначилъ соборъ въ Брестѣ, на который были приглашены и міряне. Это и былъ одинъ изъ извѣстныхъ брестскихъ соборовъ, который состоялся въ 1590 г.

Несмотря на это, епископы не думали, повидимому, сдаваться и осуществили, такъ сказать, конспиративнымъ путемъ свой тайный, епископскій соборъ въ г. Бельзѣ. Какъ можно догадываться изъ отдѣльныхъ намековъ различныхъ историческихъ памятниковъ той эпохи, главнымъ предметомъ разсужденій на этомъ епископскомъ соборѣ, или точнѣе—съѣздѣ, была борьба съ братствами, съ патронатомъ и вообще съ усилившимся вліяніемъ мірянъ на церковныя дѣла, служившимъ хотя и ко благу церкви, но къ ущербу епископской власти. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что епископы, съѣзжавшіеся въ Бельзѣ (Гедeonъ Львовскій, Леонтій Холмскій, Кирилль Терлецкій)¹ были впоследствии главными устроителями уніи, то едва ли ошибемся въ догадкѣ, что на этомъ соборѣ, закрытомъ отъ глазъ мірянъ, чуть ли не впервые былъ предрѣшенъ вопросъ объ уніи¹).

„Въ этомъ противодѣйствіи православному литовскому патронату, какъ показываетъ исторія, сходились и завязывались самыя разнообразныя нити — шаткость вѣры, порочность жизни, страхъ суда, неудовольствія противъ патріарха, честолюбіе и жажда выгодъ“²)—справедливо отзывается проф.

¹) Такое предположеніе становится несомнѣннымъ фактомъ послѣ обстоятельнаго изслѣдованія проф. П. Жуковича. Предшествовавшіе историки западной уніи—М. Макарія (IX, 516—518) и проф. Кояловичъ (I, 95 и 289) время составленія первой грамоты объ уніи относили къ 1591 году. Но проф. Жуковичъ исправилъ эту дату, замѣнивъ ее 1590 годомъ, на основаніи различныхъ безспорныхъ, вновь изданныхъ документовъ (репротестаціи холмскаго еп. Діонисія Збируйскаго, напеч. въ Актахъ Вилен. Археогр. Ком. т. XIX, 1892 и подобныхъ же протестовъ Михаила Копысмейскаго и Гедеопа Болобава, изданныхъ въ Арх. Юго-Запад. Россіи, I.). Жуковичъ „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.)“. VII г. 95 стр. СПб. 1901.

²) Кояловичъ—89 стр.

Кояловичъ по поводу такого усиленнаго стремленія западно-русскихъ епископовъ удалить мірянъ отъ обсужденія церковныхъ дѣлъ.

Видное мѣсто среди западно-русскихъ соборовъ занимаетъ соборъ 1590 года, происходившій въ г. Брестѣ. Онъ явился, какъ бы отвѣтомъ литовской митрополіи на приглашеніе константинопольскаго патріарха Іереміи II къ серьезнымъ церковнымъ реформамъ. Изъ числа различныхъ мѣропріятій, рекомендованныхъ на этомъ соборѣ, мы отмѣтимъ только тѣ, которыя имѣютъ прямой интересъ для насъ.

Таково, прежде всего, первое постановленіе, которымъ узаконялось, чтобы подобные соборы собирались въ Брестѣ ежегодно около 24-го іюня. Во-вторыхъ строго было установлено, что на соборѣ обязаны участвовать всѣ епископы непременно и являться сюда не одни, а взявши съ собою „всѣхъ своихъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ, въ письмѣ Божіемъ наученныхъ“ ¹⁾. Въ третьихъ, разбирая распрю львовскаго епископа Гедеопа Болобана съ львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ, соборъ сталъ на сторону братства и утвердилъ его полную независимость отъ мѣстнаго епископа. Наконецъ, что для насъ особенно важно, въ составѣ этого собора, какъ видно изъ подписей подъ одной изъ его грамотъ, находились и многіе знатные *святскіе чины*, вѣроятно, представители различныхъ ставропигіальныхъ братствъ ²⁾.

Соборы, собиравшіеся ежегодно 24-го іюня въ г. Брестѣ (согласно постановленію собора 1590 г.) производятъ неопредѣленное впечатлѣніе: съ одной стороны, мы видимъ, что они довольно энергично отстаиваютъ права львовскаго братства отъ посягательствъ мѣстнаго епископа—Гедеопа Болобана; съ другой стороны, на нихъ (какъ напр. на соборѣ 1591 г.) несомнѣнно шла подготовка къ заключенію уніи, по крайней мѣрѣ, со стороны епископовъ.

¹⁾ *Митр. Макарій*, IX, 497—502.

²⁾ „Въ одной грамотѣ сказано, что на этотъ соборъ призваны были брестскій каштелянъ Адамъ Потѣй и всѣ клирошане, принадлежащіе къ собору“. (Пам. Кіев. Арх. Ком. 2 изд. III, 27, № 8). Въ другой сказано, что на немъ присутствовали „іерей священныя“ и „многіе именитые гражданскіе чины“ (Акты Западной Россіи, IV, 30)*. *Проф. П. Жуковичъ*: „О составѣ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ“ (историческая справка) Церков. Вѣстникъ № 4, 1906 г.

Сравнительно большій интересъ для насъ имѣетъ грамота собора 1594 года, изъ которой видно, что количество церковныхъ братствъ и число ихъ представителей къ этому времени сильно возросло. „На соборѣ, по свидѣтельству ея, присутствовали послы отъ братствъ, не только намъ уже извѣстныхъ,—виленскаго, львовскаго, брестскаго, но и бывшихъ доселѣ неизвѣстными:—красноставскаго, гольшанскаго, городецкаго, галицкаго, бѣльскаго и *многихъ* другихъ“ ¹⁾. Отсюда ясно, что и представительство отъ мірянъ на соборѣ стало еще многочисленнѣе и сильнѣе.

Представительство отъ бѣлаго духовенства и отъ мірянъ являлось на соборахъ ограниченіемъ произвола епископовъ и оплотомъ православія отъ надвигавшейся грозы уніи. Слѣдовательно, это представительство на православныхъ соборахъ было крайне желательно и необходимо. Но интересно, что его всячески избѣгала другая сторона, хлопотавшая объ уніи. Такъ, извѣстный Львовскій епископъ Гедеонъ, разошедшійся съ православной партіей по вопросу о львовскомъ братствѣ, созвалъ у себя въ Львовѣ соборъ 28 января 1595 года, на которомъ рѣшено было „спасенное дѣло святой уніи съ римскимъ престоломъ окончить безъ отлагательства“. Подъ актомъ этого собора стоятъ еще подписи двухъ епископовъ, четырехъ архимандритовъ, двухъ игуменовъ, четырехъ протопоповъ, а также нѣсколькихъ архіерейскихъ намѣстниковъ, іеромонаховъ, священниковъ и монастырскихъ старцевъ, но нѣтъ ни одной подписи мірянъ. Вотъ, типичный образецъ того, какъ опасно можетъ быть исключеніе мірянъ изъ собора и куда можетъ привести одно, исключительно клирикальное представительство!

Весьма знаменательно, что по мѣрѣ усиленія уніатской партіи, въ ней ослабѣвало чувство соборности, уступая свое мѣсто единоличному властительству епископовъ. Всего откровеннѣе это выражено въ грамотѣ короля Сигизмунда III-го къ князю Острожскому, гдѣ читаемъ такія любопытныя строки: „что-же касается до съѣзда или собора (?), о которомъ просили насъ сами ваши епископы, то онъ намъ неугоденъ. Судить о дѣлахъ спасенія принадлежитъ власти пастырей; за ними и мы обязаны идти, какъ за нашими пастырями, не

¹⁾ М. Макарій, IX, 546 стр.

испытывая, чему учать тѣ, которыхъ Духъ Святый далъ намъ въ вожди до конца жизни. Притомъ же такіе сѣзды, обыкновенно, болѣе затрудняютъ дѣла, нежели приносятъ какую-либо пользу“¹⁾. Какъ хорошо знакомы намъ эти слова: какъ часто и почти буквально слышимъ мы ихъ и въ наши дни изъ устъ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ мнимыхъ ревнителей вѣры и церкви!

Путемъ такихъ тайныхъ епископскихъ происковъ унія была, наконецъ, формально заключена въ концѣ 1595 г. Это обстоятельство еще сильнѣе сплотило ряды православныхъ мірянъ и вызвало энергичный протестъ съ ихъ стороны. Трезвый, предостерегающій отъ нея голосъ раздался еще до заключенія уніи въ письмѣ князя Константина Острожскаго къ епископу Ипатію Поцѣю: „дѣло единенія церквей само по себѣ дѣло доброе и желанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло великое и важное. Нельзя вести его легко и въ одиночку, т. е. Западной Руси и ея владыкамъ. *Это дѣло всей вселенской церкви.... Надо бы дѣло это вести чисто и свято, чтобы единеніе церквей было истиннымъ единеніемъ вѣры и любви, съ сохраненіемъ православнаго ученія Вселенской церкви*“²⁾. Еще сильнѣе, еще энергичнѣе и рѣзче зазвучалъ голосъ этого князя послѣ заключенія позорной уніи, когда онъ выступилъ съ обличеніемъ ея виновниковъ: „въ нынѣшнія времена злохитрыми кознями вселукаваго діавола, сами главные начальники нашей вѣры, прельстившись славою сего свѣта и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополиты съ епископами, претворились въ волковъ..... прикрывая только въ себѣ внутренняго волка кожей своего лицемѣрія, какъ овчиною, они тайно согласились между собой, окаянные, какъ Христопродавецъ Іуда съ жидами, отторгнуть благочестивыхъ христіанъ здѣшной области безъ ихъ вѣдома и вринуть съ собою въ гибель“³⁾....

Вскорѣ православная паства услышала и мужественный голосъ одного епископа, который прежде боролся съ львовскимъ братствомъ и хлопоталъ объ уніи,—то былъ Гedeонъ

1) *М. Макарій*, IX, 595 стр.

2) *Малышевскій*: „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“. 194, Спб. 1892 г.

3) *Тамъ же* 195—196 стр.

Бодобанъ, который теперь примирился съ своимъ братствомъ и въ союзъ съ нимъ ополчился на унію. „Постановленіе о ней,—писалъ, между прочимъ, Гедеонъ,—составлено въ противность правиламъ и обычаямъ нашей православной вѣры, нашимъ правамъ и вольностямъ, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, нашихъ духовныхъ начальниковъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ сословій, такъ и простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ мы ничего дѣлать и рѣшать не желаемъ“¹⁾. Высокая важность этого историческаго свидѣтельства ясна сама собою: оно принадлежитъ епископу, слѣдовательно лицу вполне компетентному, и удостоверяетъ древность традиции южно-русской православной церкви—не предпринимать никакого важнаго рѣшенія безъ общаго согласія всѣхъ членовъ церкви, а слѣдовательно и мірянъ, притомъ не только родовитыхъ и важныхъ, но и простыхъ обывателей.

Съ неменьшей силой противъ такого епископальнаго произвола протестовало и низшее православное духовенство. Такъ, въ письмѣ вилenskaго духовенства къ воеводѣ Теодору Скуминѣ читаемъ, напр. слѣдующія поучительныя строки: „наши владыки, вмѣсто того, чтобы собираться на соборы въ Брестъ въ назначенное время для всего духовенства, задумали собираться между собою на тайныя съѣзды... Тогда узнавъ достоверно, что владыки и митрополитъ сдѣлали то (т. е. заключили унію) тайно, безъ вѣдома патріарховъ, низшаго духовенства и всѣхъ православныхъ христіанъ, мы—все православное виленское духовенство, протестовали предъ Богомъ и всѣмъ христіанскимъ народомъ, какъ въ книгахъ нашихъ духовныхъ, такъ и во всѣхъ урядахъ свѣтскихъ, что мы о такомъ отступленіи отъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ не мыслили и не знали, и на то не соизволяли, и обязуемся непоколебимо стоять при всемъ благочестіи св. восточной соборной церкви“²⁾. Нельзя здѣсь не отдать чести тогдашнимъ православнымъ священникамъ литовской столицы и во главѣ ихъ достойному о. протопопу Ивану Пареевичу—добавляетъ нашъ извѣстный

¹⁾ Малышевскій, 197 стр.

²⁾ М. Макарій, IX, 610.

историкъ—м. Макарій: „всѣ они уже перенесли за свою ревность о православіи, шестинедѣльное запрещеніе священнослуженія отъ митрополита; всѣ, по его требованію, явились къ нему на судъ... и несмотря на это, не переставали смѣло протестовать противъ уніи, ратовать за отеческую вѣру и тѣмъ подавать примѣръ прочему духовенству и мірянамъ“ ¹⁾.

Особенно сильно пришлось пострадать знаменитому виленскому проповѣднику Стефану Зизанію. Задѣтый за живое его сильными и смѣлыми обличеніями въ двоедущіи и вѣроломствѣ, м. Михаилъ Рагоза, посылаетъ ему особую, запретительную грамоту, въ которой, между прочимъ пишетъ: „ты возгордился, неистовствуешь противъ всѣхъ насъ, своихъ пастырей и попралъ повелѣніе наше; ты не въ правѣ никого судить и обличать, не имѣя духовнаго сана, а между тѣмъ безстыдно порицаешь съ амвона всѣхъ духовныхъ, отъ высшихъ до низшихъ; ты въ Вильнѣ возмущаешь церкви, раздвоилъ народъ и, особенно въ послѣднее время, яришься и клеветашь на пастырей и на наше церковное управленіе“. За всѣ эти вины митрополитъ лишилъ Стефана не только права проповѣдывать въ церкви, но даже читать и пѣть на клиросѣ ²⁾.

Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ соборовъ западно-русской митрополіи былъ, безъ сомнѣнія, брестскій соборъ 1596 года: на немъ произошло рѣшительное столкновеніе православной и уніатской партій и ихъ окончательное раздѣленіе. „Никогда въ западно-русской церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года въ Брестѣ Литовскомъ“ ³⁾. Въ виду чрезвычайной важности вопросовъ предстоящаго собора, затрогивавшихъ самые дорогіе религіозные и національные интересы, составъ этого собора былъ особенно полнымъ и разнообразнымъ. По своему отношенію къ уніи, участники этого собора еще до начала его засѣданій видимо подѣлились на два лагеря, весьма неравныхъ по числу членовъ. Православная сторона была представлена гораздо богаче и полнѣе. Во главѣ ея стояли два патріаршихъ эк-

¹⁾ М. Макарій, IX, 611.

²⁾ М. Макарій, IX, 612.

³⁾ Кояловичъ, „Литовская церковная унія“.—159. СПб. 1859.

зарха: Никифоръ—замѣститель константинопольскаго патріарха и Кирилль Лукарисъ—александрійскаго. Кромѣ нихъ съ Востока же прибыли слѣдующія лица: Лука—митрополитъ Велиградскій, Макарій—архимандритъ монастыря Симона-Петра на св. горѣ, по порученію Паисія епископа веночкаго и Матеей—архимандритъ святогорскаго пантелеймонова монастыря по порученію Амфилохія, епископа мукачкаго.

Изъ русскихъ на сторонѣ православныхъ были только два епископа: Гедеонъ Болобанъ—епископъ Львовскій и Михаилъ Копыстенскій, епископъ перемышльскій. Но съ ними прибыли еще девять архимандритовъ, два игумена и множество протоіереевъ, священниковъ и монаховъ, по одному свидѣтельству не менѣ 106-ти, а по другому болѣе 200 человекъ¹⁾. Наконецъ, въ качествѣ защитниковъ православія прибыли на соборъ многіе знатные вельможи—представители братствъ и депутаты отъ городовъ и приходо́въ. Среди нихъ особенно выдавались: князь К. К. Острожскій со своимъ сыномъ Александромъ, воеводою волынскимъ: князь Александръ Полубенскій-каштелянъ новгородскій; стольникъ земли волынскій—Андрей Боговитинъ, судья земскій луцкій—Чапличъ, судья городской владимірскій—Павловичъ и многіе другіе. Въ числѣ пословъ одни были отъ воеводствъ и повѣтовъ: литовскаго, кіевского, русскаго, волынскаго, брацлавскаго, перемышльскаго, пинскаго; другіе отъ городовъ: Вильны, Львова, Пинска, Бѣльска, Бреста, Каменца Подольскаго, Кіева, Владиміра, Минска, Слуцка и другихъ; третьи отъ братствъ: виленскаго и львовскаго. „Не должно удивляться—замѣчаетъ преосвященный Макарій, что на соборѣ съѣхалось такое множество не однихъ духовныхъ, но и мірянъ: самъ Король и потомъ митрополитъ приглашали на этотъ соборъ своими грамотами всѣхъ православныхъ, а митрополитъ еще прибавлялъ, что если кто не можетъ пріѣхать, то прислать-бы своихъ пословъ“²⁾...

Уніатская партія была представлена значительно хуже и бѣднѣе: ея главную силу составляли западно-русскіе епи-

¹⁾ Проф. Жуковичъ говоритъ даже, что на этомъ соборѣ присутствовало болѣе 200 пресвитеровъ. Церк. Вѣстн. № 4, 1906.

²⁾ М. Макарій, IX 654.

скопы, послы папы и послы короля. Изъ числа первыхъ, т. е. епископовъ, здѣсь присутствовали: самъ митрополитъ—Михаилъ Рогоза, еп. владимірскій—Ипатій Поцѣй, еп. Луцкій—Кириллъ Терлецкій, полоцкій еп.—Германъ, пинскій—Іона, холмскій—Діонисій и при нихъ три архимандрита. Послами отъ папы были: Янъ Димитрій Соликовскій—архибискупъ Львовскій, Бернардъ Маціевскій—бискупъ Луцкій, Станиславъ Гамолицкій—бискупъ холмскій и съ ними четыре іезуита, во главѣ со знаменитымъ Петромъ Скаргой. Представителями короля были назначены: гетманъ литовскій—Христофоръ—Николай Радзивильтъ, канцлеръ—Левъ Сапѣга и подскарбій Димитрій Халецкій.

Уже изъ одного этого перечня сторонниковъ той и другой партіи видно, что обѣ партіи для авторитетности собора считали необходимымъ довольно широкое и разнообразное представительство отъ всѣхъ членовъ церкви и слоевъ населенія. Равнымъ образомъ отсюда же ясно, что православная партія гораздо правильнѣе и шире смотрѣла на дѣло, допуская выборы отъ повѣтовъ, городовъ, братствъ и т. п.; тогда какъ уніатская партія свободные выборы замѣняла административнымъ назначеніемъ (послы отъ папы и отъ короля) ¹⁾.

Мы опускаемъ здѣсь подробности тѣхъ обмановъ, увертокъ и интригъ, путемъ которыхъ уніатская партія не допустила православную до совмѣстнаго соборнаго обсужденія дѣла и произвела открытый расколъ, заставивши православную партію устроить свой особый соборъ, отдѣльный отъ уніатскаго. А прямо переходимъ къ болѣе подробному описанію православнаго собора, картина котораго можетъ дать нѣкоторые поучительные уроки и для нашего времени.

Прежде всего, всѣ многочисленные участники православнаго собора (собравшагося, къ слову сказать, въ силу необходимости, даже въ частномъ домѣ, такъ какъ церкви были заперты, по распоряженію мѣстнаго уніатствующаго епископа—Ипатія Поцѣя) раздѣлились на двѣ половины, или кола: *коло духовное и коло свѣтское*, каждое изъ которыхъ засѣдало особо. Духовное коло имѣло своими предсѣдателями патріаршихъ экзарховъ—Никифора и Кирилла и вы-

¹⁾ Объ этомъ составѣ собора и документахъ, на основаніи которыхъ онъ воспроизводится, см. *М. Макарія*—IX, 653—655.

брадо еще двухъ примикиріевъ: протопопа заблудовскаго—Нестора, для наблюденія за порядкомъ въ засѣданіяхъ и проповѣдника—Игнатія для завѣдыванія соборными нотаріями. Свѣтское коло, имѣвшее фактическимъ своимъ предсѣдателемъ князя К. К. Острожскаго, избрало еще маршалкомъ, т. е. распорядителемъ Демьяна Гулевича, бывшаго волинскаго посла.

Передъ началомъ засѣданій духовные члены собора освятили зало по православному, прочитали молитвы обычныя передъ открытіемъ собора и посрединѣ своего духовнаго кола положили на аналоѣ Святое Евангеліе. Первый день соборнаго засѣданія—6-ое Октября—открытъ былъ рѣчью епископа Гедеоны Болобана, свидѣтельствовавшаго о своей вѣрности православію и объ измѣнѣ ему митрополита и другихъ владыкъ. Затѣмъ, хотѣли было приступить къ разбирательству самаго дѣла; но вспомнили, что посольство, отправленное къ митрополиту еще наканунѣ, не возвратилось и рѣшили сначала дожидаться его и узнать объ результатахъ. Въ это время выступили было нѣкоторые изъ пословъ отъ различныхъ воеводствъ, повѣтовъ и городовъ съ заявленіями о данныхъ имъ инструкціяхъ; но соборъ, за позднимъ временемъ, отложилъ выслушиваніе ихъ до другого времени. На этомъ и закончилось засѣданіе перваго соборнаго дня.

На другой день—7-го Октября было снаряжено второе посольство къ митрополиту и епископамъ, съ предложеніемъ явиться на соборъ. Посольство состояло изъ трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ и одного пресвитера—нотарія Андрея, которому и врученъ былъ парагностикъ. Послы воротившись заявили, что митрополитъ принялъ ихъ „съ яростью и презрѣніемъ“. Такъ безрезультатно закончился и второй день соборныхъ засѣданій.

На третій день—8-го Октября хотѣли было уже приступить къ суду надъ митрополитами и епископами; но по совѣту предсѣдателя рѣшили отъ имени собора послать къ митрополиту въ третій и послѣдній разъ—трехъ архимандритовъ, четырехъ протопоповъ и при нихъ нотарія Григорія съ парагностикомъ. На этотъ разъ послы скоро возвратились и принесли такой отвѣтъ: „что сдѣлано, то уже сдѣлано и иначе быть или передѣлаться не можетъ; хорошо или худо мы поступили, только мы отдались Западной Цер-

кви“. Послѣ этого соборъ выслушалъ рядъ рѣчей, которыя были произнесены предсѣдателемъ собора—экзархомъ Никифоромъ, кіево-печерскимъ архимандритомъ Никифоромъ Туромъ и представителями братствъ, городовъ и повѣтовъ. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ единодушно отвергалась унія и осуждалось преступное поведеніе митрополитовъ и епископовъ самовольно, безъ вѣдома и согласія духовенства и народа, заключившихъ эту, ненавистную всѣмъ унію. „Всѣ мы православные,—говорилъ Никифоръ Туръ,—не только находящіеся здѣсь на соборѣ, но и оставшіеся по домамъ, рѣшительно не желаемъ уніи. Объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать и міряне, имѣющіе инструкции отъ своихъ собратій“¹⁾.

Въ серединѣ этого засѣданія было получено извѣстіе, что явились королевскіе послы въ качествѣ делегатовъ уніатскаго собора и желаютъ говорить съ депутатами православнаго собора. Въ составѣ посольства находился, между прочимъ, и извѣстный іезуитъ—Петръ Скарга. Онъ вызвалъ князя К. Острожскаго и его сына Александра въ особую уединенную комнату и пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы склонить ихъ на свою сторону. Замѣтивъ это, экзархъ Никифоръ послалъ сказать Скаргѣ, что ему, вмѣсто діалектическихъ упражненій въ какомъ нибудь углу, приличнѣе было бы придти въ засѣданіе собора и вести открытый диспутъ съ учеными богословами“²⁾.

На предложеніе королевскихъ пословъ православный соборъ отвѣтилъ избраніемъ восьми депутатовъ—по четыре отъ кола духовнаго и кола свѣтскаго. Сюда же добровольно, хотя и съ согласія собора, присоединились и два русскихъ епископа съ нѣсколькими священниками. Королевскіе послы упрекнули обоихъ владыкъ въ ренегатствѣ дѣлу уніи, старались очернить Никифора, предсѣдателя собора, какъ бѣглеца и турецкаго шпіона и унижали значеніе православнаго собора за то, что онъ собранъ не въ церкви, а въ гостинномъ домѣ и за то, что на немъ свѣтскіе люди вмѣшиваются въ церковныя дѣла.

Особенно характеристиченъ послѣдній упрекъ—о вмѣша-

¹⁾ *Малышевскій*—205 стр.

²⁾ *М. Макарій*, IX, 665.

тельствѣ мірянъ въ церковныя дѣла: изъ него видно, что всѣ тѣ, кто ратуетъ за устраненіе мірянъ отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ, стоятъ не на православной, а скорѣе на католической почвѣ, исключаяющей подобное вмѣшательство въ область церковныхъ интересовъ.

Четвертый день соборныхъ засѣданій былъ послѣднимъ и рѣшительнымъ: на уніатскомъ соборѣ была официально признана унія, а на православномъ—торжественно сдѣлано ея осужденіе и низложеніе митрополита и епископовъ. „А въ дополненіе къ этому приговору отъ лица всѣхъ членовъ собора, духовныхъ и мірянъ было опредѣлено: просить короля черезъ депутатовъ, чтобы онъ не удерживалъ низложенныхъ архипастырей въ ихъ теперешнемъ служеніи, лишилъ ихъ того духовнаго хлѣба, которымъ они доселѣ пользовались и благоволилъ на мѣсто ихъ назначить для православныхъ другого митрополита и владыкъ“ ¹⁾. Въ заключеніе всего, былъ составленъ слѣдующій энергическій протестъ противъ уніи: „мы сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовныя лица греческой вѣры, сыны восточной церкви, собравшіеся сюда въ Брестъ на соборъ, достовѣрно узнали нынѣ отъ самихъ вельможныхъ пановъ, присланныхъ на соборъ его королевской милостью, что они съ митрополитами и нѣсколькими владыками, отступниками отъ греческой церкви, составили и обнародовали безъ нашего вѣдома и противъ нашей свободы и всякой справедливости, какуюто унію между церквями восточной и западной. Мы протестуемъ противъ всѣхъ этихъ лицъ и ихъ несправедливаго дѣянія и обѣщаемъ не только не подчиняться, но съ Божьей помощью всѣми силами сопротивляться имъ, а наше постановленіе, сдѣланное противъ нихъ будемъ подкрѣплять и утверждать всѣми возможными средствами, и особенно нашими просьбами передъ его королевской милостью“ ²⁾.

¹⁾ М. Макарій, IX, 672.

²⁾ М. Макарій, IX, 673. Еще болѣе подробно, съ нѣкоторыми серьезными новыми деталями, воспроизведенными на основаніи недавно открытыхъ документовъ (напр. королев. грамоты Михаилу Рагозѣ, изъ архива уніатскихъ митрополитовъ, письма К. К. Островскаго, напечатаннаго Кулишемъ и др.) излагаетъ исторію брестскаго собора 1596 г. проф. Жуковичъ въ III и IV гл. 2-ой части своей докторской диссертациі. Особенно подробно онъ говоритъ о дѣятельности „свѣтскаго кола“, восполняя тѣмъ

Оба собора православный и униатскій—представили свои постановленія на утвержденіе короля Сигизмунда III. Ясно, что онъ могъ утвердить только рѣшенія униатскаго собора; православная же партія какъ со стороны короля, такъ, еще больше, со стороны митрополитовъ и епископовъ—униатовъ, принуждена была испытывать цѣлый рядъ систематическихъ гоненій. Въ эту тяжелую и смутную пору для православной Руси, ея главными защитниками опять же выступили православныя братства и вліятельные паны и князья, находившіе себѣ энергичную поддержку со стороны восточныхъ патріарховъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ къ нимъ александрійскій патріархъ—знаменитый Милетій Пигасъ въ своемъ окружномъ посланіи въ Западную Русь: „мужи російскіе, воспитанники благочестія; защитники православія, а предъизволеніемъ уже и мученики, какъ противляющіеся державнымъ властямъ ради благочестія... О Христоименитая овчата Христова стада, отъ Христа научившіяся не слушать голоса чуждыхъ пастырей и не слѣдовать за ними! О, земные ангелы, подражающіе небеснымъ ангеламъ не ниспадшимъ съ Денницею! Великое чудо благодати Божіей проявилось въ васъ въ томъ, что она отвратила васъ отъ бывшихъ владыкъ вашихъ, которые возлюбили нынѣшній вѣкъ и отпали отъ благочестія и православія. Вы же пребыли непоколебимыми въ богопреданномъ ученіи вѣры, ученіи Христовомъ, апостольскомъ, свято-отеческомъ“¹⁾. На вопросъ Львовскаго братства, что дѣлать мірянамъ, когда они видятъ „іереевъ и епископовъ тлителей, святотатцевъ, христопродавцевъ, богокорчемниковъ, колы епископы не дбаютъ про церкву, що имъ, мірянамъ робити?“—Александр. патріархъ Мелетій отвѣчалъ, что если епископъ „зводитъ людей

самымъ своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ и м. Макарія. „Свѣтское коло—говоритъ проф. Жуковичъ въ другомъ мѣстѣ—не принимало прямого участія въ низложеніи отступниковъ отъ православія; но оно энергично поддержало состоявшееся въ духовномъ колѣ опредѣленіе объ этомъ низложеніи... Только полная солидарность православно-народнаго собранія съ церковно-іерархическимъ соборомъ и могла дать жизненную силу православію въ тотъ критическій для него моментъ въ западной Руси“. Церков. Вѣстникъ № 4, 1906 г.

¹⁾ Проф. Н. Сумцовъ „Изъ исторіи Малороссійской церкви“. Цер. Газета № 23—24 1906.

съ правды на неправду и підтрымае (т. е. поддерживаетъ) беззаконниковъ, такому епископу надлежитъ противиться, яко вороговѣ правды“¹⁾).

Участіе нѣкоторыхъ наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ мірянъ въ дѣлахъ православной церкви, выражалось напримѣръ въ такомъ характерномъ фактѣ, какъ постановленіе Минскаго съѣзда дворянъ 1612 года, въ которомъ они обязались грудью отстаивать интересы православной церкви и въ частности—основаннаго здѣсь монастыря и церкви Св. апостоловъ Петра и Павла. Подъ этимъ постановленіемъ имѣются печати и подписи 52 лицъ, наиболѣе видныхъ дворянскихъ фамилій. А самый энергичный и мужественный защитникъ православія кн. К. К. Острожскій получилъ даже отъ константинопольскаго патріарха титулъ почетнаго экзарха т. е. блюстителя вѣры и какъ бы замѣстителя самого цареградскаго патріарха²⁾. Вотъ какъ далеко заходило участіе православныхъ мірянъ въ дѣлахъ ихъ гонимой церкви!

Самымъ тяжелымъ и смутнымъ временемъ для православной церкви въ юго-западной Руси были первые 25 лѣтъ послѣ Бретскаго собора, когда она имѣла сначала двухъ, а потомъ даже одного своего епископа (Іеремію Тиссаровскаго—во Львовѣ³⁾).

Возрожденіе высшей православной іерархіи, а отсюда и улучшеніе въ положеніи православной церкви началось въ 1620 г.—съ пріѣзда въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Тео-

¹⁾ Эта темная эпоха специально обследована въ капитальномъ трудѣ проф. П. Н. Жуковича, на который мы неразъ ссылаемся; „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянскаго съ церковной уніей (до 1609 г.)“. Дальнѣйшимъ хронологическимъ восполненіемъ къ этой работѣ являются отдѣльныя статьи того же автора, помѣщенные въ Христіанскомъ чтеніи: „Послѣдняя борьба духовенства митрополичьей епархіи съ Потѣмъ и уніей“ (1609—1611 г.) Хр. Чт. 1901 г. Августъ и Сентябрь. „Московская смута начала XVII в. и ея отраженіе въ литовско-польскомъ государствѣ“ Хр. Чт. 1902 г. Ноябрь. „Московский, и Казацкій и Церковный вопросы на польскомъ сеймѣ 1618 г.; Хр. Чт. 1904 г. Іюнь. По свидѣтельству почтеннаго историка, всю тяжесть религіозно-національной борьбы съ уніей выносило на своихъ плечахъ городское духовенство и особенно—православное дворянство, систематически добивавшееся на политическихъ сеймахъ различныхъ правъ и привилегій гонимой вѣрѣ греческаго закона.

²⁾ *Малышевскаго*, 220.

³⁾ *Ibidem*, 243.

фана. На возвратномъ пути изъ Москвы, гдѣ Теофанъ возвелъ въ патріархи отца царя—извѣстнаго п. Филарета—отрядъ запорожцевъ, во главѣ съ гетманомъ Петромъ Сагайдачнымъ съ великой честью встрѣтилъ патріарха Теофана и пригласилъ его въ Кіевъ. Здѣсь казаки помѣстили патріарха въ келіяхъ Богоявленскаго монастыря и—по выраженію Густинской лѣтописи—„обточили его стражбою, аки пчелы матицу свою“. Пользуясь пребываніемъ патріарха, казаки и другіе ревнители православія „почали раду въ томъ чинити, жебы могли пастырей православныхъ мѣти въ Церкви своей“. Патріархъ нѣкоторое время, повидимому, колебался, боясь короля и ляховъ. Но гетманъ Сагайдачный и все запорожское казачество дали клятву, что они „беруть святѣйшаго патріарха на свои рамена и свою опеку“. Тогда патріархъ согласился и предоставилъ имъ самимъ избрать и указать ему достойныхъ епископства лицъ. Такимъ путемъ, въ глубокой тайнѣ отъ латино-польскихъ и униатскихъ властей, подъ надежной охраной казаковъ была совершена хиротонія—Исаи Копинскаго во епископа Перемышльскаго, Іова Борецкаго—въ митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Мелетія Смотрицкаго въ архіепископа Полоцкаго; а впослѣдствіи еще трехъ лицъ на кафедры—владиміро-волинскую, холмскую и луцкую. Такимъ образомъ, „православный Востокъ, въ лицѣ іерусалимскаго патріарха Теофана, оказалъ православной Руси весьма цѣнную услугу въ очень трудный для нея моментъ. Честь и слава запорожскому казачеству, которое, главнымъ образомъ, заботилось о возстановленіи Западно-русской церковной іерархіи“¹⁾.

Возстановленіе православной іерархіи не замедлило вскорѣ же сказаться важными и благотѣльными послѣдствіями для судьбы православной церкви въ западномъ краѣ. Однимъ изъ первыхъ осязательныхъ послѣдствій былъ соборъ, созванный на слѣдующемъ-же 1621 году въ городѣ Кіевѣ и болѣе извѣстный подъ именемъ „совѣтыванія о благочестіи“. Хотя соборъ этотъ, какъ показываетъ и самое его названіе,

1) Протоіерея П. І. Орловскаго „Участіе запорожскихъ казаковъ въ возстановленіи іерусалим. патр. Теофаномъ православной западно - русской церковной іерархіи въ 1620 г.“ Тр. Кіев. Дух. Академіи 1905 г. Августъ, 648 стр.

былъ, такъ сказать, чисто пастырскимъ совѣщаніемъ вновь возрожденной православной іерархіи, однако на немъ не только не было никакого принципиальнаго отрицанія участія мірянъ въ церковной жизни, но наоборотъ, было выражено ясное желаніе ихъ широкаго и постояннаго привлеченія къ церковнымъ интересамъ. Въ ряду постановленій этого собора обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующія: ежегодно созывать, по церковнымъ правиламъ, соборы, на которыхъ епископы прежде сами себя должны исправлять, а затѣмъ устроить и то, что относится къ духовному клиру и мірянамъ; учреждать по городамъ школы и братства; *не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, если-бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-нибудь напомнили, или отъ чего ихъ предостерегли* ¹⁾“. Последнее постановленіе дѣлаетъ особенную честь епископамъ православной западной Руси, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ объ ихъ правильномъ взглядѣ на дѣло и объ ихъ готовности пожертвовать мелочными эгоистическими интересами для общаго блага всей церкви ²⁾.

Разрозненныя силы православной іерархіи однако не скоро могли сорганизоваться и постановленіе собора 1621 г. о ежегодныхъ соборахъ не сразу вошло въ жизнь. Первое извѣстіе объ этомъ, да и то очень глухое, дошло до насъ отъ собора 1627 г. бывшаго въ городѣ Кіевѣ. На немъ присутствовали, повидимому, и міряне, какъ можно догадываться объ этомъ на основаніи факта присутствія на соборѣ Петра Мо-

¹⁾ М. Макарій. „Исторія русской церкви“ XI. 285—286. Спб. 1882.

²⁾ Въ виду особенной важности этого постановленія, приведемъ его въ болѣе полной редакціи: „пусть не будетъ стыда слушать меньшихъ и отъ нихъ научиться... Не слѣдовать-же этому безбожному папскому правилу, за которое всеблаженнѣйшій патр. Александрійскій Мелетій порицаетъ папу и его служителей. Ибо дворъ римскій осмѣлился установить такое правило, что хотя-бы папа тѣмъ людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Если-же архіереи и другіе настоятели любовью допускаютъ дѣлать себѣ замѣчанія и будутъ исполнять все предписанное, то сыны въ отцахъ и отцы въ сынахъ пребывать будутъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ согласіе и приверженность къ нимъ народа“. Памятн. Кіев. Комиссіи т. I отд. I 224 и слѣд. См. у. Флерова „О православныхъ церковныхъ братствахъ“ 13 стр. Спб. 1857 г.

гилы, который въ то время былъ еще свѣтскимъ человѣкомъ ¹⁾).

Но, собственно говоря, первый, послѣ уніи, православный полный соборъ состоялся лишь въ 1628 году. Въ своей пригласительной на этотъ соборъ грамотѣ митрополитъ Іовъ заявлялъ, что хотя идетъ уже восьмой годъ съ того времени, какъ православная церковь получила снова высшую іерархію и, что хотя уже много разъ онъ созывалъ къ себѣ православныхъ для совѣщаній о дѣлахъ благочестія, но ни разу не удавалось ему созвать полного собора изъ всѣхъ епископовъ и представителей отъ церковныхъ братствъ. И вотъ теперь онъ, по изволенію Духа Святаго, вмѣстѣ съ находящимися при немъ епископами, архимандритами и другими духовными и свѣтскими лицами, созываетъ въ Кіевѣ на праздникъ Успенія *полный соборъ* и проситъ прислать на него выборныхъ людей отъ всѣхъ повѣтовъ изъ среды духовенства, дворянства, братствъ и всего православнаго народа. Соборъ этотъ дѣйствительно и открылся 13-го августа въ Кіево-Печерской Лаврѣ. На немъ, подѣ председательствомъ м. Іова Борецкаго, присутствовали три епископа: Исаакій Луцкій, Паисій Холмскій и Авраамій Пинскій, нѣсколько архимандритовъ, въ томъ числѣ и извѣстный Петръ Могила, и множество чернаго и бѣлаго духовенства, равно какъ и лицъ свѣтскаго званія. Однимъ изъ главныхъ дѣяній этого собора былъ судъ и обличеніе епископа Мелетія Смотрицкаго, заподозрѣннаго въ уніи. Мелетій торжественно, хотя, какъ оказалось лицемѣрно, отрекся здѣсь отъ уніи и разорвалъ свои подозрѣваемые сочиненія.

Очень интересныя и поучительныя свѣдѣнія сохранила намъ исторія о Кіевскомъ церковномъ соборѣ 1629-го года. Онъ созванъ былъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, по инициативѣ короля Сигизмунда III-го хотя и съ согласія м. Іова, утвердившаго приглашеніе „своей властной рукой“. По силѣ этой грамоты на соборъ приглашались люди и „всякаго достоинства духовнаго и свѣтскаго высокаго шляхетнаго и низайшаго Посполитаго Стану“ ²⁾.

¹⁾ С. Голубевъ. „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“, № 57 стр. 323. *Зубрицкаго*. „Лѣтопись львовскаго братства“. См. у *Макарія*, XI, 344.

²⁾ Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ заимствованы изъ недавней спеціальной

Однако, такъ какъ соборъ этотъ имѣлъ, по мысли короля, своей задачей подготовить православныхъ къ примиренію съ уніатами, то онъ вызвалъ противъ себя довольно рѣзкія возраженія съ разныхъ сторонъ. Такъ уже 29 апрѣля 1629-го года, то есть спустя съ небольшимъ двѣ недѣли послѣ отпечатанія пригласительной грамоты, православные жолнерскаго польскаго полка, прислали къ митрополиту слѣдующее письмо: „дошло до насъ изъ русскихъ странъ (а они стояли въ предѣлахъ Пруссіи) извѣстіе, что отъ короля нашего, отъ посполитой Рѣчи и Папы римскаго послѣдовали лукавыя замыслы т. е. что они хотятъ перевести всѣхъ насъ изъ Греческой вѣры въ унію... Ради самого Господа Бога умоляемъ всѣхъ, которые будутъ присутствовать на предназначенномъ Кіевскомъ соборѣ, заявить тамъ, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, въ польскомъ войскѣ въ Пруссахъ, для защиты нашей святой вѣры готовы пролить нашу кровь... Этотъ листъ при полномъ собраніи нашего товарищества подъ Мальборкомъ властными руками подписали 29 апрѣля 1629 г. Андрей Шмарчевскій съ повѣту Жидочевского; Александръ Галазицкій съ княжества Литовскаго; Иванъ Жищевскій съ повѣту Галичскаго; Илья Боярскій съ повѣту каменецкаго; Иванъ Соколовскій съ повѣту винницкаго; Иванъ Попель съ повѣту премыскаго“¹⁾).

Еще опредѣленнѣе и рѣзче звучитъ другая протестація, поданная православными кіевскаго воеводства. Разоблачивши замыселъ короля—дать путемъ этого собора торжество уніи, авторы „протестаціи“ категорически заявляютъ: „а такъ какъ соборы, предназначенные по универсалу короля, безъ ихъ вѣ-

статьи, протоіерея П. І. Орловскаго „Кіевскій церковный соборъ 1629 г.“ Тр. Кіев. Дух. Акад. 1905 года, Августъ 651 и слѣд. Тамъ, между прочимъ, приводится отрывокъ изъ неопубликованной еще нигдѣ пригласительной грамоты м. Іова, начало которой таково: „Іовъ Борецкій, милостію Божьею архіепископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, Всѣмъ посполите Россійскаго рода, какъ въ короне польской, яко и у великомъ княжествѣ Литовскомъ великаго достоинства духовнаго и свѣцкаго Высокаго шляхетскаго и низайшаго посполитаго Стану людемъ церкви Святое Восточное Греческое благопослушнымъ сынамъ ласка, покой и милосердіе отъ Вседержителя Бога, и благословеніе отъ нашего смиренія“.

¹⁾ Тамъ же—стр. 154.

дома и согласія, имѣютъ, повидимому иную цѣль, (а не торжество православной истины), то они, обитатели воеводства кievскаго, протестуютъ противъ открытія такихъ соборовъ. И если эти соборы состоятся и на нихъ сдѣланы будутъ какія-либо постановленія, противныя благочестію и нарушающія древнія права и привиллегіи православнаго русскаго народа, то постановленія таковыя будутъ считаться не обязательными и не дѣйствительными“ ¹⁾.

Православное запорожское казачество, которому умышленно не было послано приглашенія на предстоящій соборъ, собрало по этому поводу Раду и за четыре дня до открытія собора прислало на имя м. Іова особую грамоту, въ которой, между прочимъ писало: „хотя мы и не получили отъ Вашей Милости столь желаннаго посланія, однако, живя въ православной вѣрѣ, въ которой мы родились, для того, чтобы имѣть точное извѣстіе, что тамъ (т. е. на соборѣ) дѣлается, посылаемъ двоихъ нашихъ товарищей—Андрея Лагоду и Сапрона Сосимовича“ ²⁾... И дѣйствительно, эти представители казачества явились на соборъ и съиграли тамъ очень видную роль.

Соборъ открылся въ назначенный королемъ срокъ, т. е. 29-го Іюня. Когда панъ Заславскій — посолъ избранный маршалкомъ собора, сталъ требовать, чтобы казаки, какъ непрошенные на соборъ лица, оставили его засѣданіе, то депутаты казаковъ энергично противъ этого запротестовали и стали требовать распущенія самаго собора, какъ незаконно и неправильно составленнаго. Ихъ поддерживали многіе другіе голоса, преимущественно изъ среды православныхъ мірянъ, такъ что митрополитъ принужденъ былъ закрыть на этотъ день засѣданіе собора. На слѣдующій день повторилось то же самое, съ еще болѣе рѣшительной угрозой со стороны казаковъ, „при чемъ, надо полагать, дѣло не обошлось безъ сильныхъ укоризнъ митрополиту Іову Борецкому, тогдашнему архимандриту Лавры—Петру Могилѣ и нѣкоторымъ болѣе виднымъ представителямъ собора“ ³⁾. Въ концѣ концовъ, на четвертый день всѣ убѣдились, что такой соборъ со-

¹⁾ Пр. П. І. Орловскій, 655.

²⁾ Тамъ же, 656.

³⁾ Орловскій, 658 стр.

стояться не можетъ. Такимъ образомъ, благодаря своевременному вмѣшательству казаковъ и энергіи мірянъ, уніатскіе планы короля потерпѣли пораженіе и дѣло православія было спасено и на этотъ разъ.

Въ Октябрѣ того же 1629-го года состоялся, по почину короля и другой, чисто уніатскій соборъ въ г. Львовѣ, имѣвшій ту же самую цѣль—примиренія съ православными, но, разумѣется, безъ ущерба для уніи. На этомъ соборѣ были налицо всѣ уніатскіе владыки и среди нихъ Мелетій Смотрицкій, только что измѣнившій православію, самъ уніатскій митрополитъ—Іосифъ Вельяминъ Рутскій, множество монаховъ—базиліанъ и знатнѣйшіе изъ бѣлаго духовенства. Міряне же, повидимому, отсутствовали, (если не считать, конечно, правительственныхъ комиссаровъ), что составляетъ, вообще, типичную черту католическихъ соборовъ.

Вскорѣ послѣ указанныхъ соборовъ на кафедрѣ православной кievской митрополіи возшелъ одинъ изъ достойнѣйшихъ ея іерарховъ—извѣстный Петръ Могила (1632—1846 г.). Обращаетъ на себя вниманіе уже одно общенародное избраніе его на Варшавскомъ избирательномъ сеймѣ всѣми духовными и свѣтскими представителями православныхъ воеводствъ и повѣтовъ. Въ актѣ избранія митрополита и нѣсколькихъ епископовъ избиратели называютъ себя „людьми русскаго народа, вѣры православной“ и говорятъ, что „избираютъ тѣхъ, кого Самъ Господь Богъ указалъ нашимъ сердцамъ, какъ мужей, соединяющихъ въ себѣ съ знатностью происхожденія, съ высокими добродѣтелями, благочестіемъ и мудростью—постоянство и ревность по вѣрѣ православной“

Одной изъ самыхъ важныхъ и благотворныхъ мѣръ м. Петра Могилы было устройство имъ, по возможности, ежегодныхъ, епархіальныхъ соборовъ, какъ въ своей митрополичьей области, такъ и въ другихъ, подвѣдомственныхъ ему епархіяхъ. Это были чисто „пастырскіе соборы“, гдѣ, по самому характеру ихъ, исключалась потребность въ присутствіи мірянъ, но куда обязано было являться все, какъ высшее, такъ и низшее духовенство, хотя послѣднее этимъ иногда даже и тяготилось. Такъ, въ грамотѣ бѣльскаго намѣстника—о. Теофила на имя митрополита Петра Могилы отъ 2 Августа 1633 г. читается: „а ямъ бачу зъ тягостю приходить тымъ попомъ, которые бы ся павернуть хотѣли ехать

до Кіева, или сразу работою и дороги далькостью се вымолвляючи; въ томъ прошу Велбеность Вашу, моего Ясне Пресвященнаго вельможнаго пана и пастыря, о инструкцію, якъ въ томъ далей поступовати“¹⁾.)—А изъ предисловія къ „Дидаскаліи“ Сильвестра Коссова видно, что подобные же помѣстные соборы устраивались и по другимъ епархіямъ, напр.—мстиславской луцкой, львовской и пр. 2).

Состоялся въ управленіе м. Петра Могилы и одинъ большой, полный соборъ, изъ представителей отъ всѣхъ епархій его митрополіи; то былъ кіевскій соборъ 1640-го года, послѣдній изъ соборовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію. Въ своей пригласительной на этотъ соборъ грамотѣ, Петръ Могила обстоятельно и подробно раскрылъ значеніе и пользу подобныхъ общецерковныхъ соборовъ, и въ заключеніе всего писалъ: „на этотъ соборъ мы зовемъ именемъ Господнимъ и просимъ, какъ вашу честь—духовныхъ, преимущественно имѣющихъ и къ совѣщанію духовному способныхъ, такъ и ихъ милостей—свѣтскихъ братій, ревнующихъ о благочестіи и свѣдущихъ въ правилахъ церковныхъ.... Притомъ настоятельно отъ васъ духовныхъ и свѣтскихъ требуемъ, чтобы, если окажется что нужнымъ какому братству, вы благоволили-бы изъяснить то въ инструкціи своимъ уполномоченнымъ посламъ, для постановленія и опредѣленія соборнаго“³⁾.... Вотъ подлинный голосъ истиннаго архипастыря, дѣйствительно пекущагося о нуждахъ своей паствы!.

Соборъ этотъ, дѣйствительно и состоялся 8-го Сентября 1640 года. Маршалкомъ на немъ избранъ былъ ученый ар-

¹⁾ С. Голубевъ, Петръ Могила II, 489.

²⁾ Въ одномъ изъ экземпляровъ этой „Дидаскаліи“ сохранилось любопытное предисловіе, описывающее картину Луцкаго собора 1638 г. Начало его таково: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ Троицы Единого Бога. Молитвами Божественнаго Апостола Евангелиста, наперсника Христова и дѣвственника Іоанна Богослова, по празднествѣ его честномъ, на утрешній день собравшіяся до церкви Соборной, въ замку Луцкомъ, святую литургію порядне отправили и потомъ пѣснь Царю Небесный пропѣвали. Епископа, на маестатѣ епископскомъ сѣдячаго, духовенство съ поклономъ звычайномъ, явне, при бытности ихъ милостей пановъ шляхты (sic!), презъ одного любовне, съ пристойнымъ пошанованьемъ и сердечною до Бога молитвою, витали“.... См. у С. Голубева, 491 стр. примѣчаніе.

³⁾ М. Махарій „Исторія русской церкви“ XI, 580.

химандритъ Слуцкій—Самуиль Шицкій, а дѣлопроизводителями („писарями“)—отцы великой учености—Іосифъ Кононовичъ и Іннокентій Гизель ¹⁾. Какъ любопытную особенность этого собора, должно отмѣтить, что православные епископы на немъ лично не присутствовали, а прислали лишь своихъ замѣстителей, изъ бывшихъ епископовъ и довѣренныхъ архимандритовъ. Почему они поступили такъ, въ точности неизвѣстно, хотя и можно догадываться, что ихъ шокировало слишкомъ широкое и свободное представительство отъ мірянъ, къ чему епископы всегда относились довольно недружелюбно, лишь какъ къ терпимому злу. Тѣмъ не менѣе, соборъ состоялся и происходилъ цѣлыхъ десять дней. Въ немъ проведено было множество весьма важныхъ постановленій, касающихся жизни духовенства и церковной дисциплины. Но самымъ главнымъ предметомъ его занятій было разсмотрѣніе и одобреніе новаго „православнаго Катехизиса“, извѣстнаго подъ именемъ катихизиса Петра Могилы.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого собора (31 Дек. 1646 г.) Петръ Могила умеръ, успѣвши значительно упорядочить свою митрополию. А черезъ восемь лѣтъ послѣ его смерти (1654 г.) состоялось политическое присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ, за которымъ, спустя тридцать съ небольшимъ лѣтъ, послѣдовало и церковное присоединеніе кievской митрополии со всероссійскимъ патріархатомъ (1687 г.). Это событіе и служить хронологической гранью нашего настоящаго очерка.

Дѣлая общую заключительную характеристику соборовъ Юго-Западной Руси за періодъ раздѣленной Кіевской митрополии, мы должны прежде всего засвидѣтельствовать, что соборы сослужили тамъ огромную службу дѣлу православія и національности. Они соединили разрозненные силы православной іерархіи, ставропигіальныхъ братствъ, монастырей

¹⁾ Краткое описаніе его дано въ книгѣ *Іоанникія Голятовскаго* „Месія Праведный“—320—321. Болѣе же подробное, но довольно тенденціозное описаніе этого собора принадлежитъ уніатскому писателю—Кассіану Саковичу. См. у м. *Макарія* XI, 582 и слѣд.

и всего православнаго народа, во главѣ съ князьями и панами. Чрезъ это они создали надежный оплотъ православію и дали мужественный отпоръ уніи.

Въ виду этого, въ соборахъ была заинтересована и ихъ преимущественно устраивала лишь православная сторона. Наоборотъ, уніатско-католическая сторона не сочувствовала соборамъ, предоставляя всю полноту церковной власти однимъ только епископамъ.

Однако, уступая общему требованію времени, созывали соборы не только православные, но и уніаты. Но здѣсь то и сказалось все серьезное различіе между ними во взглядѣ на соборъ. Уніаты предпочитали соборъ изъ однихъ епископовъ: таковы напр. всѣ тайные епископскіе съѣзды передъ заключеніемъ уніи. Затѣмъ, они допускали еще представительство на соборъ усердныхъ поборниковъ папства—монаховъ (базиліанъ) и въ крайнемъ случаѣ—нѣкоторыхъ изъ числа бѣлаго духовенства (протопоповъ). Но они принципиально отрицали право участія на соборахъ выборнаго представительства отъ мірянъ, дѣлая исключеніе лишь для назначенныхъ королемъ польско-католическихъ комиссаровъ.

Совершенно иначе смотрѣли на соборъ православные. Они точно также считали обязательнымъ участіе на соборѣ всѣхъ епископовъ, или ихъ замѣстителей; но кромѣ того, они признавали безусловно необходимымъ и участіе на немъ мірянъ, свободно выбранныхъ отъ различныхъ повѣтовъ, братствъ, приходовъ и городовъ. Это условіе соблюдалось настолько строго, что соборы, ему неудовлетворявшіе не признавались народомъ, или даже вовсе имъ не допускались (напр. соборъ 1629 г.).

Что касается, наконецъ, самыхъ результатовъ этихъ соборовъ, то исторія Западной Руси ясно показываетъ, что закрытые соборы, лишеныя контролирующаго вліянія выборнаго представительства, въ особенности, участія мірянъ, почти всегда, въ большей или меньшей степени, были подозрительны и дѣйствовали во вредъ истинно-церковнымъ интересамъ.

Наоборотъ, соборы, собиравшіяся при свѣтѣ широкой гласности и работавшіе при участіи законнаго, свободно избраннаго представительства отъ духовенства и мірянъ, сопровождались важными и благотѣльными послѣдствіями для

интересовъ православія и національности: они спасли дѣло православной вѣры и русской народности отъ враждебныхъ натисковъ польско-католической пропаганды и влили живительную струю въ общецерковную жизнь и національное самосознаніе православнаго русскаго народа.

А. Покровский.
